

РОЙ

ОЛЕГ

ИМИТАТОР

ОХОТА НА ОХОТНИКА

ПОД ПОДОЗРЕНИЕМ САМЫЕ БЛИЗКИЕ ЛЮДИ.
И ЕДИНСТВЕННОЕ, ЧТО ОСТАЕТСЯ, – ПРЕВРАТИТЬСЯ В ЦЕЛЬ.

Олег Юрьевич Рой
Имитатор. Книга четвертая.
Охота на охотника
Серия «Детективные
романы Олега Роя»
Серия «Имитатор», книга 4

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58508179

Охота на охотника: Т8 Издательские технологии / RUGRAM; Москва;

2023

ISBN 978-5-04-189444-3

Аннотация

Клубный стриптизер Филипп был убит прямо в кабинете для частных танцев. Мотивы есть почти у всех, кто имел дело с несчастным. Арина Вершина чувствует причастность к этому преступлению неуловимого убийцы, с которым ей предстоит встретиться нос к носу.

Содержание

Пролог	6
Часть первая	8
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Олег Рой

Охота на охотника

© Олег Рой, 2023

© RUGRAM, 2023

© Т8 Издательские технологии, 2023

*** * ***

РОЙ
ОЛЕГ

ИМИТАТОР
ОХОТА НА ОХОТНИКА

Москва

Пролог

Файл: bezimeni

Создан: 01:01 01.01.01

Изменен: 19.02.17

Самое смешное, что старый дурак ошибся. Попал пальцем в небо, несмотря на весь свой хваленый ищейковский нюх. Из семи убийств, которые он объединил в серию, три не имеют ко мне никакого отношения. Хотя некоторое сходство и впрямь проглядывает. Именно так я люблю охотиться: чтобы двух зайцев ликвидировать одним выстрелом. Одного наповал, другого в клетку, ибо вина его очевидна.

Так ведь, может, в тех трех лишние очевидные убийцы таковыми и были? А старый опер перемудрил. Или он их для веса добавил? До других моих – вроде осторожного дедули, скандальной красотки или почтенной врачихи – просто докопаться не сумел? Все высматривал, все вынюхивал – вот и перемудрил.

И ведь понимал, что все равно его никто слушать не станет: дела закрыты, злодеи сидят. А он, гляди-ка, признался перед смертью: дескать, всех этих вот людишек я порешил, а те, кто сидят, ни в чем не виноватые. И смерть свою оставил так, что даже меня своей выдумкой впечатлил. Чтобы, значит, господа следователи задумались: если легендар-

ный Шубин намекает на серию, а ему еще и рот кто-то заткнуть решил, значит, точно дело нечисто, значит, надо копать. Ну копайте, господа хорошие. До меня вам все равно не добраться. Нет, зря я Шубина дураком обзываю. Молодец. Вон какую элегантную схему соорудил: вроде как не сам застрелился, а его кто-то ликвидировал. Но – перемудрил со своими розысками. Оно и к лучшему. Эти три лишних убийства – это мне только на руку. Больше путаницы. До меня додуматься у вас думалка слабовата, но дополнительная путаница не повредит. Так что копайте, господа хорошие. И дамы тоже.

Мне сегодня весело. Так всегда бывает перед началом Охоты. Я еще не знаю, кто станет моей целью, кубики, что подбрасывает госпожа Судьба, еще в воздухе, колесо рулетки все еще крутится – но я уже слышу его нежный скрип. Скоро, совсем скоро мне станет ясно, на кого показывает стрелка. Кому повезет, кому – не очень. Правда, я ни на волос не верю ни в какое везение и прочую удачу. Любое везение – результат тщательной подготовки.

Но когда колесо Судьбы вот-вот остановится, указывая на очередную цель, хочется сказать что-нибудь неправильное. Избыточное. Потому что скоро начнется Охота!

Удачной Охоты! Удачной Охоты всем нам!

Часть первая

Игра в любовь

21.02.17 23:47

статус: приватный

защита: тах

джокер: как можно быстрее, умоляю

рубль: место и время желаемого контакта?

джокер: на ваше усмотрение. машину он ставит возле клуба, стоянка охраняемая, и камеры там, выступает каждый вечер, днем приваты бывают, охрана никакая, камеры на входе и еще где-то в коридорах, не знаю точно

рубль: способ контакта?

джокер: на ваше усмотрение. только быстрее!!!

рубль: аванс пятьдесят процентов, начало реализации по подтверждению платежа

джокер: я переведу деньги и сразу уеду

рубль: это очень упростит дело

* * *

Тьфу ты, дьявол, опять забыла телефон отключить! –
Федь, я попозже перезвоню, ладно?

– Ага, как же! – возмутились в трубке. – Сперва попозже, потом завтра, потом еще что-нибудь, – голос дяди Федора звучал по-детски обиженно. – Ты должна с ней поговорить!

Это было до того не похоже на всегда добродушного Федьку, что Арина даже растерялась. Чтобы он – и вдруг «должна»?!

– Федь, давай все-таки не сейчас, а?

– Ну а когда? – спросил тот почти жалобно. – Наши аргументы она вдребезги разнесла, на тебя одна надежда. Когда ты дома появишься?!

– Скоро-скоро, Федь, вот честное-пречестное слово! – Арина вложила в голос безмятежную уверенность, которой вовсе не испытывала.

И с тяжелым вздохом повернулась к ожидавшему ее красавцу-мужчине, окидывая рассеянным взглядом окружающую роскошь. Пухлые кожаные диваны – цвета не то слоновой кости, не то застиранной простыни, тяжелые бархатные шторы, бронзовые светильники, низкий стол темного стекла. В закутке возле двери деликатно прикрыт шторой еще один столик, поменьше, но повыше. На нем пристроен уставленный будущим обедом поднос, похоже, серебряный. На массивном блюде – четыре шашлыка, из-под которых наивно высовываются уже довольно понурые кудерьки киндзы, укропа и петрушки. Стеклянная чаша полна фруктов. В низеньком темного дерева поставце – несколько бутылок с затейливыми этикетками и два бокала. В общем, шик,

блеск, красота! Единственное, чего не хватало в этой нарочитой роскоши – уюта. Или, быть может, гармонии. Как будто не живой интерьер, а экспозиция в мебельном магазине, выстроенная равнодушным дизайнером, собравшим с борю по сосенке – зато богато! – все подряд, не задумываясь, лишь бы пошикарнее. Вульгарная «роскошь» вдруг показала Арине жалкой.

И непритязательная униформа официанта, в которую красавец-мужчина был облачен – темные брюки, белая рубашка, бордовый жилет – совсем не подходила к хищному разлету бровей на матово-смуглом, почти неприлично красивом лице.

Сейчас, впрочем, от этой красоты мало что осталось.

Слепяще белую рубашку усеивали неряшливые бурые пятна, смуглая кожа посерела, даже волосы как будто потускнели.

Да и от лица, в общем, осталась лишь половина – левая.

Правая же, залитая уже темными, застывшими, как и лужица мясного сока под шашлыками, потеками выглядела не частью лица, а произведением гримера из малобюджетного триллера.

На месте правого глаза запеклась округлая, по форме глазницы, тьма, из центра которой угрожающе торчала узкая, черненой стали полоса, издевательски поблескивавшая изящными завитками наворачивая.

– Тьфу, пропасть! – вполголоса выругался торчавший

у двери Молодцов, опер, может, не столь обаятельный, как всеобщий приятель Мишкин, но въедливый и дотошный. – Вроде всякого навидался, а даже меня озноб пробирает. Ну ладно застрелить, ну задушить, отравить, сковородкой по кумполу приласкать – но чтоб вот так...

– Скажи лучше спасибо, Иван Сергеич, что он свежий, – бросила, не оборачиваясь, склонившаяся над телом красавца-стриптизера худенькая большеглазая Ярослава Мирская, которую частенько принимали за старшеклассницу, и уж никак не за судмедэксперта с десятилетним стажем. – И лежит не в вонючем подвале, где на тебя крысы сверху падают, и не за промерзлыми гаражами, где собственных пальцев не чувствуешь. Тепло, светло, убили недавно, даже личинок еще нет.

– Так-то да, – без воодушевления согласился Молодцов. Только мне все равно не по себе. Сковородкой, оно как-то привычнее. Экие тут у них страсти-то бушуют. А, Арина Марковна?

– Полагаешь, тут убийство в припадке ревности? – задумчиво отозвалась она. Дотошный-то Молодцов дотошный, но с интуицией, с пресловутым «чутьем» у него не очень.

– Ну а что еще? – Молодцов повел крепким плечом.

– Поглядим, Иван Сергеич, – слегка усмехнулась она, потащив из кармана опять закурлыкавшую трубку.

На этот раз звонила мама.

– Деточка, с Майкой совсем беда. Повлияй на нее, она

только тебя и слушает.

Вот, значит, почему Федька так странно разговаривал. С маминой подачи. Арина чуть отвернулась, чтобы не видеть привычных, но категорически неаппетитных манипуляций, которые Ярослава производила с уцелевшим глазом жертвы.

– Душенька, что ты молчишь? – прокурлыкала трубка чуть менее нежно. – Ты меня вообще слушаешь?

– Мам, я сейчас не могу разговаривать.

– Что там у тебя за дела?! – в голосе матери сквозь привычное журчание прорезались возмущенные нотки. – Нельзя же во имя работы пренебрегать своими близкими! Все-таки дядя Федор – твой родной брат! И Майка тебе не чужая. Девочка школу посещать отказывается, так же нельзя! Приезжай и поговори с ней! Ты ведь для нее главный авторитет. Вот и повлияй. Тем более, что рабочий день закончился. Или у тебя свидание? Ну так отложи, ничего страшного, больше ценить станут. Дома ты теперь не ночуешь, так хоть один вечер пожертвуй семье. Папа может за тобой подъехать, чтоб в транспорте не давиться. Ты сейчас где?

– В стриптиз-клубе, – честно сообщила Арина, чувствуя себя немного виноватой. Майка в своем репертуаре. Семь лет девчонке, давешней осенью в первый класс пошла, и на тебе! Не потому ли она забастовку устроила, что по Арине соскучилась? С нее бы случилось.

– Шуточки у тебя! Все-таки не с подружкой разговариваешь! Чтоб через час была дома! – обиженно заявила мать

и отключилась.

Кажется, реплику про стриптиз-клуб она восприняла как издевку. Хотя Арина чистую правду сказала. Трупы – такая штука, что могут где угодно найтись: хоть на свалке, хоть в таких вот роскошных местах. Не говоря уж о том, что рамки «рабочего дня», к которым иногда апеллирует мама, преступникам не указ. И убивают отнюдь не только бомжей за фанфурик «боярышника», но и, страшно сказать, генеральных директоров мегахолдингов. Или, как сейчас, красавцев-стриптизеров, причем прямо на рабочем, так сказать, месте. В приватном кабинете клуба, именуемого незамысловато, но доходчиво – «Сладкое место». М-да. Кому сладкое, а кому – место упокоения. Кто же тебя так, бедолага? И за что? Или... не за что, а почему? Ладно, в процессе выяснится.

Наклонившись над распростертым на кожаном диване телом, она поморщилась. Ребра, по которым недели две назад так старательно пинал неизвестный нападавший, еще болели.

– Убили мальчика прямо здесь, тело не перемещали, – улыбаясь, сообщила Ярослава. – Смерть практически мгновенная, удар, видимо, неожиданный, следов борьбы ноль целых ноль десятых, ни царапин не видно, ни под ногтями чего-нибудь. Соскобы я беру, конечно, но ничего не будет, не рассчитывай. Не дрался мальчик ни с кем. Да и мышцы все расслаблены. Вон лицо спокойное какое. Ну... то что

от него осталось.

– Расслаблены? – переспросила Арина. – А правая рука?

– Гм... С этой стороны я еще не глядела, – согласилась Мирская. – Ну-ка, ну-ка, мальчик, покажи нам, что у тебя в кулачке... Да что ж ты упираешься... Есть!

На разжатой ладони трупа лежал ажурный, причудливо изогнутый лепесток. На первый взгляд золотой – или как пишут в протоколах «желтого металла», только тут металл был слегка розоватый – с крошечным камушком почти на краю – словно росинка задержалась.

– Розовое золото и бриллиант?

– Насчет золота пожалуй, а на бриллиант не похоже, – поморщилась Ярослава. – Дай-ка пробирку.

Арина подала, эксперт провела «росинкой» по стеклу, продемонстрировала отсутствие следа:

– Видишь? Фианит, наверное. Или натуральный циркон, но он чаще цветной. Но вещица симпатичная, я такую форму никогда не видела.

– И ты тем не менее настаиваешь, что наш покойник не сопротивлялся? – Арина скептически хмыкнула.

Мирская засмеялась:

– Ты что, решила, что серьгу покойный сорвал с убийцы в процессе борьбы? Да ну, брось! Ты погляди, тут не какая-нибудь открытая швенза или пусет, с которого заглушка может и слететь, тут нормальная защелка.

– Пусеты – это у нас кто? – уточнила Арина.

– Ты, Вершина, прямо как будто не из девочек, – засмеялась Ярослава. – Таких простых вещей не знаешь. Пусеты – это у нас крепление серег-гвоздиков. Швензы, соответственно, те, что в виде дужек. Бывают открытые, вроде полупетли, бывают закрытые с разного рода замочками. Здесь простой английский замочек, на усилие. Если бы защелка растегнулась и вылетела от рывка, кровь наверняка была бы, причем видная невооруженным глазом. На ухе, знаешь ли, даже микроскопическая царапина душевно так кровоточит. Не, я, конечно, все пробы возьму, – она сноровисто упаковала находку в пакетик, – но не думаю.

– Тогда откуда она тут? – нахмурилась Арина.

– Это уж тебе выяснять, дорогая. Но не сорвана во время борьбы – это точно.

– Ладно, допустим, борьбы не было. Но как?! – недоумевала Арина. – Вот скажи мне, как можно воткнуть человеку в глаз этакую дурынду, чтоб он даже не попытался защититься. Руками закрыться или что. Да хотя бы уклониться. Тут ведь еще поди попади так точно. Глазница-то не такая большая, а вокруг кость.

– Ой, да мало ли! – Мирская небрежно махнула узкой ладошкой в резиновой перчатке. – Ну представь такую картину. Девушка с ним заигрывает – обстановка-то как раз для этого предусмотрена...

– Ага, и, заигрывая, начинает размахивать этой штукой... – перебила ее Арина. – Что это, кстати, такое?

На шашлычный шампур похоже.

— Шампур и есть, — подал голос, присевший возле столика с подносом криминалист. — Тут на блюде еще четыре таких же.

Арина мысленно ругнула себя за невнимательность. Да, блюдо повернуто так, что узорчатых наверший с ее места не видно, но все равно — должна была присмотреться. Следовательно она или где?

— Ну окей, — сердито согласилась она. — Гостья вгрызается в шашлык и, видимо, озверев от вкусноте-ни, начинает размахивать опустевшим шампуром.

— Да нет, зачем так грубо, — засмеялась Ярослава. — Скорее всего, все было гораздо проще. Давай, говорит, садись, красавчик, отдохни, а я тебе плечи помассирую. Заходит сзади, гладит его, он закрывает глаза — и бемц! Ну или, чтоб уж точно не дернулся, она закрывает ему глаза своей ладошкой, между пальчиками ставит острие шампура и бьет по навершию второй ладошкой.

— То есть это не аффект, не порыв страсти? Ревности там, ненависти...

— Ну почему же... — Мирская нахмурилась. — Мог быть и порыв. Строго говоря, мы ж не знаем, действительно ли присутствовало намерение убить. Удар точный, бесспорно. Но убийце могло просто повезти. Помнишь, ты дело вела о ссоре двух соседок? Когда одна другую ткнула кулаком в живот, забыв в пылу скандала, что в кулаке кухонный но-

жик. И угодила точнехонько в печень, ребро даже не царапнуло. Сама знаешь, такое сплошь и рядом. Везение, так сказать.

– Да уж. Только, Слав, – возразила Арина, – одно дело лицом к лицу стоять и ударить вниз, там не то что защититься, там можно и не заметить. Тут-то замах нужен был. Прямо перед лицом жертвы. А он тут такой спокойный сидит.

– Верно говоришь, Арина Марковна, – согласилась та. – Отмахнуться или закрыться в подобной ситуации – чистый рефлекс. А мальчик не защищался. Так что порыв страсти все-таки маловероятен. Описанный мой вариант «закрой глазки», да еще если с ладошкой в качестве направляющей – это уж точно не в аффекте. Кстати... – несколько секунд она, нахмурившись, вглядывалась в кровавое месиво на месте правого глаза жертвы. – Глаз-то у него в момент удара и вправду закрыт был. Шампур через веко прошел. Это, правда, еще ни о чем не говорит, мигательный рефлекс еще никто не отменял, но все же.

– А почему тогда второй открыт? – пробасил подпиравший дверь Молодцов.

– Ой, Иван Сергеевич, рефлексы – штука разнообразная, – весело сообщила Мирская. – Какие в момент смерти сработают, не угадаешь. Спасибо, хоть сфинктеры не расслабились, вполне дышать можно. Хотя про сфинктеры – это больше к удавленникам, но тоже всякое бывает.

«Ну да, дышать вполне можно, – мысленно согласилась

Арина, борясь с желанием хотя бы ненадолго выйти из роскошного кабинета. – Эх ты, – одернула она сама себя, а еще следователь! – Можно подумать, трупов мало в жизни видела!»

Дело, впрочем, было не в мертвом теле. От заполнившего комнату шашлычного аромата, густо приправленного запахом крови и прочих, как это называют медики, биологических жидкостей, хотелось немедленно перестать дышать вообще. Хуже, чем «гнилушки», ей-богу! Все, в ближайшие пять лет – ни одного шашлыка! И вообще никакого мяса! Капуста и морковь – наше все! Угу, язвительно шепнул внутренний голос, а потом найдется труп на овощебазе и придется переходить на питание одним воздухом? Внутренний голос был прав. Арина незаметно нажала точку над верхней губой – это помогало забыть о запахах, хотя и ненадолго.

– Все-таки предумышленное... – задумчиво повторила она. – То есть с заранее обдуманном намерением... Погоди-ка... если ладошка в качестве направляющей и железка между пальцами... – она нахмурилась. – Хочешь сказать, что она могла при этом порезаться?

Судмедэксперт мотнула головой:

– Не, не хочу. То есть могла-то могла, но постороннюю кровь я тебе из этой каши не вычленю, ее там, если и есть, следовые количества. И почему, собственно, непременно – она?

Арина пожала плечами:

– Ну, во-первых, наверное, потому что он – стриптизер, а здесь – кабинет для частных танцев. А во-вторых, ты сама такой вариант предложила.

– А, ну да, – припомнила та. – Но это вовсе не значит, что вариант единственный. Наверняка тут только одно: нападения наш красавец не ожидал. Для гарантии я бы еще кровь на адреналин проверила. Если мальчик в последнюю секунду понял, что происходит, то испугаться успел, а среагировать – уже нет. Тогда в крови будет повышенное содержание адреналина. Или не будет. Если мальчик задремал или был под кайфом. Или, например, в обмороке.

– С чего бы такому здоровяку в обморок хлопаться? – автоматически удивилась Арина.

– Ну это он снаружи здоровяк, – отмахнулась эксперт. – Вот положим на стол, поглядим, что у него внутри, тогда скажу. Особенно, что там в желудке имеется, а то знаю я эту публику: сидят на диетах, а после в обмороках по пять раз на дню валяются. Ну и на токсикологию надо посмотреть. Не только на запрещенные вещества, наружных признаков употребления я не вижу, и вообще, по-моему, мальчик чистый. На предмет наркоты то есть. Но мало ли чем человека вырубить можно. Может, он и впрямь без сознания был.

– Типа клофелин в алкоголе?

– Клофелин, барбитураты и так далее по длинномудлинному списку. Есть куча препаратов, которые в сочетании с алкоголем дают поистине сногшибательный эффект, – де-

ловито подтвердила Мирская, не прерывая осмотра. – Хотя если у жертвы не было оснований ждать подвоха, можно и без препаратов обойтись. Самое простое – в рамках той же легенды «милый, я тебе плечи помассирую» – нажать на сонную артерию. Ну или на обе, для гарантии. Правда, надо знать, куда, но знания не то чтобы сверхсекретные, гугл всем в помощь. Показать нужные точки?

– Спасибо, я в курсе, – буркнула Арина.

– Ну в курсе так в курсе, – миролюбиво согласилась Ярослава. – Интересный ты, душа моя, человек: как серьги устроены, не знаешь, а где сонную артерию пережимать, ты в курсе. О! Глянь! – она оживилась. – Вот тут волосок... Артем, щелкни покрупнее... и пакетик дай... Каштановый, натуральный, с рыжинкой, средней длины... Хм... А вот на жилетке еще один, блондинистый, подлиннее. О! И брюнетка наличествует! Для разнообразия коротко стриженная и, по-моему, крашенная. А вот и еще, совсем маленький, тоже блондинистый, но, на первый беглый взгляд, не той фактуры что тот, который подлиннее. М-да... Женщин вокруг нашего красавца крутилось... м-м... не одна – точно.

– Тоже мне, открыла Америку! – довольно сердито парировала Арина. – Женщин вокруг него, ясный пень, косяки ходили. Привлекать дамский пол – вообще-то его профессия была. А он, судя по всему, был в ней неплохим специалистом. Лучше подскажи – давно его? – и, ожидая привычного «ну как я тебе сразу скажу», добавила. – Приблизительно.

Мирская прихмурилась, подбирая формулировки:

– В районе часа дня, ну плюс-минус полчаса. Думаю, так. И привходящие обстоятельства моим наблюдениям соответствуют. Молодцов говорит, у него – не у нашего Иван Сергеевича, а у этого мальчика – на двенадцать тридцать приватный танец был заказан. Вот примерно тогда. До, во время, после... Хотя раз он одет, и одежда не нарушена, скорее до или сразу после начала танца.

– Может, он после исполнения стриптиза одеться успел? – Арина и сама понимала, что возражение хлипкое, но так, в диалоге, ей легче было представить картину происшедшего.

– Теоретически возможно, – согласилась Ярослава и после секундной паузы усмехнулась. – Но я почему-то сомневаюсь. Вряд ли дама, заказавшая персональный стриптиз, дождалась, пока исполнитель оденется. Но ты следовательно, тебе решать.

– Слав, – спохватилась вдруг Арина. – А крови-то много было? В смысле на убийцу попало?

– Ну, знаешь, – та повела плечом, – глаз – не артерия, фонтана не дает. Брызги были, конечно, но если удар был нанесен из-за спины, а в этом я почти уверена, тогда убийца твой чистенький ушел. Руки только должен был запачкать. Вокруг, кстати, ничего не вижу, обо что их вытирали бы. Но это мелочи. Носового платка довольно, а его и с собой нетрудно унести, а после выкинуть и руки окончательно от-

мышь. Ну и остальную одежду осмотреть и все подозрительное выбросить. Так что на изобличающие следы крови особенно не рассчитывай.

Арина взглянула на часы – время настало уже вполне вечернее, не зря мамуля обижалась:

– А почему нас так поздно вызвали? Иван Сергеич, а? И где, кстати, Мишкин?

– Персонал опрашивает, – доложил Молодцов. – Нам позвонили, когда тело обнаружили, а это случилось отнюдь не сразу. Да и позвонили тоже не в тот же момент, суетиться чего-то начали – да все как обычно. Пока кто-то сообразил, что не вредно было бы в соответствующие органы сообщить, еще какое-то время прошло. Стас уточнит, но они тут как безголовые куры всполошились, никто якобы ничего толком не помнит.

– Ладно, постарайтесь отфильтровать свидетелей: кто и в самом деле ничего не помнит, а кто «якобы», – распорядилась она. – Артем Валерьевич, что у нас с пальцами? – обратилась она к возившемуся в углу криминалисту, которого чаще всего называли, сокращая отчество, Лерычем.

– С пальцами у нас, Вершина, не так чтоб очень, – буркнул тот. – Здешняя уборщица, похоже, отличается избыточным рвением и все подряд хлоркой протирает. Ну или какой-то новомодной дрянью. Не густо, в общем.

– Ну так и это неплохо, а? – предположила Арина, еще не понимая причин зверевского недовольства. – Легче све-

жие отсортировывать будет?

Криминалист пренебрежительно хмыкнул:

– Было бы что отсортировывать. Я тут вашими с Мирской предположениями аж заслушался, прямо жалко разочаровывать.

– То есть?

– Ну если я не полный лох в своем деле, – Лерыч саркастически усмехнулся, – то пока что ни одной дамочки мне не попало. Мужские следы есть, на мой взгляд, два разных комплекта.

– Мужские? – переспросила Арина. – Ну один понятно кто – вот этот, который сейчас к Ярославе на стол поедет, а кто еще? Он что, приватный танец для мужика изображал?

Криминалист загоготал.

В дверь сунулась голова молодцовского напарника, улыбающегося обаятельного Мишкина:

– Арина Марковна, ты с управляющим сама поговоришь или мне?

* * *

Не успела Арина следом за Стасом пройти и двух шагов в сторону нужного кабинета, как перед ними откуда ни возьми возникла невысокая симпатичная брюнетка в таком же бордовом, как официантские жилеты, пиджачке. Бейджик над нагрудным кармашком извещал окружающих, что Свет-

лана – менеджер. Арина мысленно хмыкнула. Управляющего так и называют управляющим, а эта – явно невеликая сошка – носит звучное звание менеджер. Хотя означают эти слова одно и то же.

– Вы... вы ведь следователь? – девушка шмыгнула носом, как сердитый кролик.

И глаза, автоматически отметила Арина, хоть и свежеподкрашенные, были красны, тоже как у кролика. Явно только что плакала. Может, у нее с убитым красавцем роман был? Или она по нему так, издали вздыхала? Что вздыхала – к гадалке не ходи. Ладно, управляющий немного подождет.

– Вы хотели что-то сообщить? – она улыбнулась заплаканной Светлане как можно дружелюбнее.

– Да! Я... я знаю, кто... кто Фи... Фили... – не договорив, девушка задышала часто-часто – ну точно кролик, только уже не сердитый, а испуганный. Ну или нервный просто.

Мишкин с Ариной переглянулись. Стас показал глазами вправо, где за приоткрытой дверью виднелось какое-то служебное помещение.

– Пойдемте, Светлана, – ласково предложила Арина. – Там никто не помешает.

Девушка пошла послушно, как кукла.

Комнатка оказалась маленькой и захлавленной. Под потолком негромко гудела трубка «дневного» света. Справа возвышался металлический стеллаж, часть которого занимали мягкие синие мешки (должно быть, приготовленные

для прачечной – из одной горловины свисал рубашечный рукав), а на остальном пространстве грудилось то, что, вероятно, когда-то относилось к реквизиту: усыпанная блестками босоножка с покривившимся каблуком, уныло обвисший страусовый веер, грязная ковбойская шляпа, ярко-желтая корзинка, надломленный бильярдный кий... К левой стене притулился узкий стол, в углу за ним громоздилась пирамида барных стульев, похожая на сильно облезлую новогоднюю елку.

Посреди всего этого великолепия красовались два «офисных» креслица. Пошатав их слегка, Мишкин гостеприимно повел рукой:

– Прошу, дамы. Безопасно.

Плюхнувшись в кресло, Светлана опять шмыгнула носом, на этот раз – зло, почти яростно:

– Это Лялька! Точно она! Больше никому!

– Так... – Арина успокаивающе положила ладонь на обшлаг бордового пиджачка. – Давайте по порядку. Кто такая Лялька?

– Да никто! – Светлана пренебрежительно поджала пухлые губки. – Официантка наша. Метр в кепке, а туда же, строит из себя принцессу голландскую! Никто ей не хорош! Типа она вся из себя такая несравненная, что пипец котенку! – она так и сказала, «пипец котенку», Арина едва сдержала смехок. – Типа у нее с Фи... с Фил... типа любовь у них... – девушка опять задышала часто-часто, словно со-

биралась зарыдать, но справилась с собой, только глазами сверкнула бешено – ну да, гнев способен победить не только печаль, но даже страх и вообще почти любую эмоцию. – Вообще нос задирать начала. Нужна она ему, подумаешь!

– Погодите, Светлана, – остановила ее Арина. – Так у этой Ляли действительно был с погибшим роман, или она все придумала?

– Ну... что-то там вроде было... – неохотно признала та. – Но так, ничего особенного. Да вы сами подумайте! – она прижала к пышной груди сжатые кулачки. – С ним бы кто угодно... такие важные приходили на него посмотреть... ну не только посмотреть, конечно... ну вы понимаете? И зачем ему это недоразумение? Может, жалко ему ее стало... он такой дообрый... б-б-бы-ыл... понимаете?

– Пока не очень, – довольно сухо констатировала Арина. Светлана поглядела на нее с неодобрительным удивлением – дескать, какой же ты следователь, если очевидных вещей не понимаешь: Даже шмыганье вдруг прекратилось.

– Так я же вам говорю – ему ее жалко стало, ну он ее и приласкал. А она сразу возомнила себе! Чуть ли не замуж за него собралась, представляете? – девушка презрительно фыркнула.

– И зачем же ей убивать своего жениха? Ну... теоретического жениха, – Арина улыбнулась самым краешком губ – чтоб не спугнуть непрошенную свидетельницу. Хотя уже ясно было: из этой ревнивой девицы такая же свидетельница,

как из акулы балерина. Погоди... Ревнивой... Пожалуй, это может быть интересно...

– Да какой он ей жених! – снова фыркнула девушка. – Как вы не понимаете? Все же очевидно. Лялька, конечно, тупая, как слон, но до нее наконец дошло, что она для него никто, или, может, ему надоело, что она на него вешается, сказал, чтоб отстала, вот она и решила отомстить. Ну ведь ясно же! Знаете, как в кино? Так не доставайся же ты никому!

– Света, раз уж вы все так хорошо знаете, расскажите поподробнее про сегодняшний день, – как можно миролюбивее попросила Арина. – Вы девушка наблюдательная, наверняка что-то видели. Или кого-то.

Почему-то предложение не вызвало у Светланы восторга:

– Ой, ну я... я плохо помню... перепуталось все, а вам же точно надо?

– Хотелось бы поточнее, – подтвердила Арина, теряясь в догадках. Кто перед ней: недалекая и пристрастная свидетельница или уже первая подозреваемая? Первая не в смысле самая вероятная, а хронологически. Тоже, впрочем, не слишком далекая. Мотив у нее явно имелся – вот только что сама изложила. Да только мотив – тьфу, их у любого можно найти. Вот пусть расскажет о своих передвижениях сегодня днем, тогда можно будет хоть какие-то выводы делать.

– Не помню я... – набычилась Светлана. – Я, наверное, переволновалась очень. Это же такой стресс, представляете?

Мне надо сесть, подумать... и тогда я вам все-все-все расскажу!

М-да. Сейчас эту... свидетельницу дожимать бесполезно, только запутает все. Ладно, пусть с ней Мишкин поработает, авось что и выйдет. Арина вздохнула:

– Понятно. Что ж, Светлана, спасибо, вы нам очень помогли. Мы с вами попозже еще раз побеседуем, хорошо? И вы все совсем подробно расскажете. Договорились?

* * *

Шмыгнув носом, Светлана яростно плеснула в лицо водой. Ледяной до озноба, на горячую для служебного туалета хозяева поскупились, летом еще ничего, а зимой из крана прямо Ледовитый океан течет. Но сейчас так даже и лучше. В зеркале, правда, все равно отражалась какая-то кошмарная рожа: перекошенная, в пятнах, с воспаленными глазами и красным набрякшим носом, форменная блузка спереди вся мокрая, как будто корова жевала. Ренат Ильич, если увидит, взбучку закатит. Хотя нет, не закатит. Клиентов-то сейчас нет, не перед кем приличные фейсы демонстрировать. Клуб закрыли сразу, как Ренат Ильич позвонил в полицию. Сперва закрылся у себя в кабинете, а после сказал Галине, чтоб звонила и сказала, что Фи... что Фили... что Филиппа...

Ну вот, опять захлюпала!

Она так о нем мечтала!

И вот теперь его нет! Совсем! Это было невероятно, немыслимо, и все-таки... все-таки его – нет. И с этим как-то придется жить.

Лучше бы не стало этой... Вот кого Светлана убила бы – с удовольствием. С наслаждением. Вцепилась бы в горло и давила, давила, давила... пока последняя искра не потухла бы в мерзких прозрачных глазищах... Что Филипп в ней нашел? А теперь... его – нет, а тварь – вот она, живехонька.

За Светланой почти что никто никогда не ухаживал. Только еще дома, в школе – соседский Севка пытался. Она была в шоке, когда узнала, что Филипп на самом деле тоже Сева. Потихоньку в гримерку пробралась и в паспорт подсмотрела. Филипп – и вдруг Сева! Он же был... как из сказки. Как из кино... А соседский Севка с его прыщами на подбородке, вечно немытой головой и грязными кроссовками... Ей тогда, впрочем, было лестно – Севка слыл не то чтобы совсем уж крутым, но ничего так, пацаны окрестные его признавали, а девчонки, едва заметив, завидовать принялись. Но мама, конечно, Севку шугала: не для такого, мол, я ягодку растила! Тогда Светлана злилась ужасно – у всех девчонок уже есть кавалеры, а у нее мать единственного отпинала – а после думала, что мать-то, наверное, права была. Кем бы Светлана сейчас была, если бы с Севкой осталась? Мать писала, что Севка после армии моментально «присел» – напился, накуролесил, подрался с кем не надо было, да еще и повре-

дил что-то своему противнику, да еще вроде бы в карманах у него что-то «не то» нашли. Сейчас-то вышел уже, но надолго ли?

Впрочем, что там Севка, то дело давнее, у самой Светланы дела немногим лучше. Мама-то уверена, что дочка тут институт заканчивает, а Светка... разве можно правду сказать? Что в институт – точнее, в университет, теперь институтов, считай, и нету, это мама их так по старинке зовет – пролетела, как фанера над Парижем. Интересно, почему так говорят? Разве фанера летает? И почему именно над Парижем? Да уж, Парижа ей не видать, как своих ушей. Максимум – Турция раз в год. И то потому, что с этой работой повезло. И место хорошее, и должность приличная, не то чтобы официантка или, боже упаси, уборщица. И мужчины тут бывают очень даже... солидные. Сперва она даже надеялась на что-то. Мало ли. Вдруг один из клиентов обратит внимание на симпатичную менеджершу, а потом... Золушку ведь принц выбрал!

Впрочем, разобралась она быстро. Если дядька приходит поглядеть, как девки голыми попами трясут, на него рассчитывать нечего. Значит, просто у законной жены попа стала... не очень, свежего мяса захотелось. Только... вот именно что «мяса». По-другому на здешних телок никто и не смотрит. Ну в любовницы иногда еще взять могут – и то ненадолго. В баньке там пару раз попариться – и адье! Мясо, в общем. Как бифштекс. Съел и забыл. А если не съел, так ведь

не мечтаешь о нем – чего мечтать, когда бифштексы на каждом углу: не тот, так этот, какая разница.

Филипп казался ангелом-спасителем. Или – оказался? Прекрасный, как картинка из дорогого журнала, и при том – свой. Нос не задирал. Хотя мог бы. А он – нет, со всеми как с ровней. Добрый. Когда Ренат Ильич на Светлану как-то наорал – ужасно несправедливо, ну откуда она могла знать, что эта фифа, закатившая скандал в гардеробе, такая важная птица, аж из областной администрации! – чуть не уволить грозился, потом штрафом ограничился. По деньгам не слишком страшно выходило, но обидно – ужас. Она тогда даже зал бросила, ушла в подсобку – не дай бог при клиентах слезу пустить. А Филипп за каким-то реквизитом туда заглянул. Слезы вытер, фляжку с коньяком откуда-то достал – хлебни, сказал, и не горюй, с кем не бывает. Все пройдет.

Вот после этого все и изменилось...

О нет, она, конечно, не была в него влюблена – еще чего, в него были влюблены все окрестные дамы от пятнадцати до семидесяти! Или до восьмидесяти, что ли? Она его – боготворила. А потом божество... рухнуло. Разлетелось на мелкие неопрятные осколки – фу, пакость какая, совок, веник... Только сердце болело. Так болело!

Следовательша с острыми, насквозь смотрящими глазами, все пыталась вопросыки всякие задавать, наверное, ей, следовательше, казалось, что ужасно хитрые. Какая глупость! Что бы она понимала! Да где ей...

Они ведь даже никогда не... Господи!

Однажды Светлана его подловила. Он очень поздно закончил работать и прилег в гримерке, а она прокралась туда и села подле кушетки. Просто сидела и смотрела в его сонное лицо – безмятежное, прекрасное, как у ангела! Как у... падшего ангела.

Он, должно быть, почувствовал ее – нет, не ее, просто чье-то – присутствие, не открывая глаз, даже, кажется, не проснувшись толком, протянул руку, запустил пальцы в волосы, скользнул к шее... и прошептал... Лялька!

Почему она не убила его – тогда?!

А теперь его нет, и некому сказать никакие, даже самые главные слова...

* * *

Кабинет управляющего был куда меньше и куда скромнее, нежели апартаменты для частных танцев: ни тебе диванов цвета слоновой кости, ни стеклянных столов – так себе, обычное офисное помещение. Точно и не в стриптиз клубе, а в какой-нибудь страховой компании средней руки. Владелец кабинета звался Ренатом Ильичом Садыковым, хотя ничего татарского, кроме имени и фамилии, в нем не было. Сивый блондинчик с типично среднерусским носом картошкой и белесыми бровками над глубоко посаженными светлыми глазами, окруженными сеточкой морщинок. Среднего роста

крепьш с неожиданно широким разворотом плеч.

Атласно поблескивающий лилово-коричневый костюм, впрочем, сидел на нем идеально, а взгляд неопределенного цвета глазок был неожиданно острым, даже злым.

– Паразит! – Ренат Ильич экспрессивно хлопнул себя по колену. – Даже и тут нагадил, чтоб его на том свете черти в муравейник задницей сажали! Мы же так всех клиентов растеряем!

– Ну так убили-то не клиента... – осторожно перебила Арина.

– Еще не хватало! И так уже... – он передернул плечами, словно отбиваясь от наседающих неприятностей. – Не клиента... К нам отдохнуть приходят, расслабиться, а тут... Паразит он!

Гнев управляющего был понятен, но, пожалуй, чересчур пылок. Похоже, покойный и при жизни доставлял немало неприятностей...

– Ренат Ильич, у Филиппа были враги? Как он вообще ладил с... – Арина на мгновение замялась. – С коллективом? Соперники, завистники были? Конфликты какие-то?

Она нарушала сейчас основополагающее правило допроса – нельзя задавать несколько вопросов одновременно, это позволяет отвечающему ускользнуть в наиболее для себя удобную сторону. Но для начала хотелось хотя бы понять, какая именно сторона для управляющего более, а какая менее удобна. В конце концов, пропущенный вопрос можно и по-

сле повторить.

– Конфликты?! – Ренат Ильич вполне ожидаемо зацепился за последний из вопросов. – Да я его сам убил бы! Ох, простите, я не имел в виду... – он было смутился, но тут же вернулся к прежней раздраженной интонации. – Филипп просто зажрался, понимаете? Никакого терпения уже не хватало! Да и... – он вдруг замолк, принявшись перекладывать лежавшие на столе бумаги, мобильник, еще какие-то мелочи.

– Да и... что именно? – поторопила Арина.

– Вожжа ему под хвост попала, вот что! – брошенный на стол карандаш подпрыгнул, покатился, свалился на пол, но Ренат Ильич этого, похоже, даже не заметил. – Он же как сыр в масле катался, и на тебе – не могу, говорит, надоело. Уходить он собрался, вот что!

– Уходить? – она изобразила лицом удивление: мол, кто ж добровольно откажется от сладкой жизни?

– Ну да! – он встряхнул головой так же экспрессивно, как перед этим бил себя по колену. – Уволиться решил! А мне что делать? Кого на его место поставить? Мужчин-то не хватает!

– И давно он надумал... уйти?

– Да вот практически только что!

Интересно... Стриптизер собрался увольняться, и его тут же убивают... Совпадение?

– Причину какую-нибудь назвал? Может, нашлось место, где больше платят?

– Да нет таких мест! – управляющий всплеснул ладонями, неожиданно крупными, впору какому-нибудь грузчику, правда, не по-грузчицки ухоженными. – Ему платили, как... ну я не знаю... по высшему разряду, в общем. И это не считая чаевых, которых он собирал и вовсе немерено. Он же... Вот вы говорите «соперники». Какие, к черту, соперники? Девочек, чтоб крутиться у пилона, ну или без оного, найти не фокус. А вот мальчиков... – Ренат Ильич протяжно вздохнул.

– Что, такая нехватка мужчин в вашем бизнесе? – сочувственно вставила Арина.

– Да не то слово! – он энергично рубанул ладонью воздух. – Желающие-то приходят, но это ж слезы, а не кандидаты. Подготовка ведь нужна соответствующая, одной физической формы недостаточно, то есть какого-нибудь хоккеиста или там лыжника нам и даром не надо. Специфика другая... Ну а в танцах мальчики вообще на вес золота. Так что профессиональный танцор найдет себе место более... как бы это... более почтенное?

– Менее двусмысленное? – усмехнувшись, подсказала Арина.

– Вот, точно! У нас, конечно, денег побольше, чем у эстрадных звезд на подтанцовке. Но многим ведь статус важен. Так что подготовленный танцор охотнее пойдет в какой-нибудь никому не известный «Экспериментальный мимический театр», чем к нам... Разве что очень уж денег хо-

чет, а в модели по росту не берут, там рост важен. При том еще не факт, что кандидат даже с балетной подготовкой нам подойдет, стриптиз работать – это не Спартака танцевать, совсем другая специфика. Ну и с гимнастами-акробатами та же петрушка. Только этих еще и томный взгляд выдавать пока обучишь, все проклянешь. Поэтому за любого маломальски подходящего будешь держаться, в попу дуть, прогулы прощать, гонорары поднимать и персональную гримерку обеспечивать. У нас в клубе дюжина танцовщиц посменно работают. Кто похуже, кто получше, две прямо... ух, какие! И всем, кроме этих двоих, я хоть завтра замену найду. А Филипп один был. Понимаете? Один! Какие конкуренты, что вы! Вот вы случайно возле моего кабинета очереди из претендентов не видели? Вот и я не видел. А вы говорите – соперники...

– Кто же теперь у вас будет вместо него? – не то чтобы Арина так уж надеялась, но если уж исключать мотив профессиональной ревности, то железобетонно.

– А! – управляющий безнадежно махнул рукой. – Есть пара-тройка кандидатов, но это так, сугубо временные варианты. По разным причинам. Когда Филипп сказал, что увольняется, я начал, конечно, замену подыскивать, но пока – увы... – он развел руками.

Арина еще раз поразилась размеру его ладоней: прямо экскаваторные ковши, а не ладони. Впрочем, какая разница! Вот если бы Филиппа задушили, тогда это, вероятно, име-

ло бы значение, а так...

– Значит, завистников у него не было, – подытожила она. – По крайней мере в вашем коллективе. Тогда... клиентки, может быть, недовольные?

– Настолько, чтоб убить? – он поджал губы, сложив из них что-то вроде куриной гузки. – Вы что? К нам же не на аркане притаскивают, все сами приходят. Не нравится – не ходи, не смотри. Да и не было у него недовольных. Бабы его обожали. У него ж иногда по три-четыре частных танца в день бывало. Не всегда, конечно, но случалось. Это не считая выступления в общем зале.

– Но предположим, какая-то из клиенток обожала его... настолько... – уточнила Арина. – Ну влюбилась, а он на ее призывы не ответил, расстроилась и решила: так не доставайся же ты никому! – она поймала себя на том, что нечаянно повторила реплику заплаканной Светланы. Ну да, при убийстве такого красавца мотив «мечь обиженной женщины» исключать было, конечно, нельзя, а уж кто там обижен, богатая клиентка или бедная официантка, дело десятое.

– Ах, вот вы о каких недовольных... Да ну, что за испанские страсти! – отмахнулся Ренат Ильич. – Это вас история Тарзана смущает, того, который на певице женился? Ну так я вам скажу: все в жизни бывает, только так редко, то можно считать никогда. Опять же у нас не Москва, тут приличия строже блюдут. Да и Филипп, положи руку на сердце, не Тарзан... был. Поклонниц у него, конечно, хватало, но он же

не эстрадная звезда. Кто такой стриптизер? Да тот же официант, только блестяшек побольше. Обслуга, по сути. А клиентки все, сами понимаете, дамочки не из простых, для них статус важен.

– Статус статусом, а сердцу, знаете ли, не прикажешь, – возразила Арина. – Неужели со всеми клиентками были исключительно... как бы это... рабочие отношения? Ничего сверх?

– Свечку я, конечно, не держал... – он сделал многозначительную паузу, завершившуюся однако скептической гримасой. – Но сами подумайте: мужчины, которые пользуются услугами проституток, в этих самых проституток не влюбляются же. И не надо мне про фильм «Красотка», это еще более развесистая клюква, чем «Телохранитель», который, говорят, на реальной истории основан. Не бывает такого. Не. Бы. Ва. Ет. Не влюбляются приличные мужики в проституток. Ну и наоборот тоже верно. Наемный персонал он и есть наемный персонал. В телохранителях хоть какая, а романтика. Воины, защитники и все такое. А тут танцор, пусть и высшего класса, но по сути-то лакей. Кто же влюбляется в жиголо? Хотя одна, помню, действительно Филиппу пару-тройку раз сцены устраивала. Было дело. Такие, знаете ли, чуть не семейные, – он скомкал неуместный смешок.

– Как ее найти, эту скандалистку? – потребовала Арина. – И вообще. Вы мне списочек клиенток подготовьте...

Ренат Ильич как будто растерялся:

– Да откуда же я... это вам надо у Филиппа в блокноте смотреть. Он всех записывал. Ну или не всех, а перспективных или наоборот проблемных. Блокнотик наверняка в гримерке лежит. Смешной такой, розовенький, девчачий прямо.

– Блокнотик мы посмотрим, – перебила она. – А список вы мне все-таки составьте. Наверняка кто-то картой расплачивался, а кого-то вы просто можете знать в лицо – дамочки-то все действительно не из простых, а тусовочный круг не так чтоб необъятно широк. Как вы правильно заметили, у нас тут хоть и миллионный мегаполис, однако ж не Москва. Естественно, меня интересуют в первую очередь клиентки, так сказать, неодноразовые. Особенно проблемные. Сами сделаете или мне судебное постановление оформлять? На изъятие всей вашей документации, – она выделила голосом слово «всей».

Управляющий предсказуемо погрузнел:

– Не надо постановления. Что смогу – сделаю. Я понимаю. Но и вы меня поймите...

– Я вас пойму, вы меня поймете, вот и будет нам всем благоденствие, – Арина скупно, одними уголками губ, обозначила улыбку. – Может, сразу вспомните, как зовут ту, особо страстную, любительницу семейных сцен?

Он покачал головой:

– Смотреть надо. Так с ходу и не назову никого. А любительница сцен... да не любительница она, ну сорвалась,

так с кем не бывает, может, выпила лишку. Обычная клиентка. Вот тетку ее я очень хорошо помню, – добавил он после неожиданной паузы, как будто что-то для себя решил. – Имя у нее такое смешное было – Калерия Стефановна. Не Степановна, а Стефановна, – он подчеркнул первый слог. – Божий одуванчик. Вот она была поклонница из поклонниц. Каждую неделю заявлялась, а то и чаще.

– Была? – Арина вздернула бровь, обозначая удивление. – То есть сейчас не заявляется?

– Да где уж там, – хихикнул Ренат Ильич. – Ей теперь ангелы на небесах приватные танцы исполняют. Померла недавно наша старушка. Ну то есть не то чтобы прям старушка была, бодрая такая, элегантная, личико ухоженное, больше сорока пяти и не дашь. Но в возрасте была, в возрасте. Вот она с Филиппом, в общем, миловалась, но, знаете, этак... снисходительно. Ну подарки дорогие делала, это было, однако ж... без фанатизма, в общем.

– Кстати, о фанатизме. На Филиппа только женщины приходили любоваться? Или и мужчин припомните?

Управляющий ответил сразу же:

– Нет. Не подумайте, что я какой-нибудь гомофоб, но у них свои места, к нам такие не ходят.

– Ну не ходят так не ходят. Подытожим. Вы утверждаете, что романов с клиентками у Филиппа не было. И конфликтов особенных – тоже. И в коллективе – никаких проблем. Так?

Ренат Ильич кивнул. Арина решила прояснить вопрос, так и оставшийся без ответа:

– Раз у вашей звезды все было настолько замечательно, чего ж ему не хватало, что он увольняться надумал?

– Да говорю же, вожжа под хвост попала! – устало повторил управляющий. – Надоело ему, видите ли, голым задом перед публикой вертеть и быть «чего изволите». Тошно, противно и вообще. Вроде как остепениться надумал.

Арине внезапно подумалось, что...

– Ренат Ильич, если у него не было романов, и к вам подобная публика не ходит, но все же... у него вообще как с ориентацией было?

Он расхохотался:

– Ой, нет, что вы! Вообще-то из геев чуть не лучшие такого рода танцовщики получаются, это правда. Но это не про Филиппа. Он... Да у него любовь-морковь же... была... ну вроде того.

– То есть роман у него все-таки был? – Арина тут же вспомнила Светланину истерику по поводу некоей Ляли.

– Ну... не то чтобы... – заюлил управляющий, – я, знаете, за своими работниками не подглядываю, точно не скажу... но, говорят, да.

Все ты, хитрый лис. знаешь, только рассказывать почему-то не желаешь, подумала Арина и изобразила строгое-престрогое лицо. Управляющий вздохнул:

– С Лялей.

Как и ожидалось, усмехнулась Арина – мысленно, разумеется. А вслух строго уточнила:

– Что за Ляля? Вы ее знаете? Поподробнее давайте.

Тот пожал плечами:

– Знаю, конечно. Официантка наша. Ее около года назад повар наш привел. Сказал, хорошая девочка, мы и взяли, официантки всегда нужны. Аккуратная, честная, с клиентами общаться умеет – приветлива, но без фамильярности. Грех жаловаться. Потом она с Филиппом закрутила.

– А повар как к этому отнесся?

– Эльдар? – удивился управляющий. – А почему... А! В смысле, он же ее сюда рекомендовал, значит, какие-то отношения были, вы об этом? Знаете, я вот даже и не скажу... Может, он Лялю просто поприятельски к нам пристроил, а может... ну знаете, прошла любовь, завяли помидоры? – он хихикнул. – Мне-то без разницы, главное, повар он отличный.

– Понятно, – Арина кивнула, подумав, что надо бы про этого Эльдара поподробнее местный персонал расспросить, не забыть бы Мишкину об этом сказать, хотя, если там что и есть, он, небось, и сам уже выяснил. – То есть никаких отелловских страстей не наблюдалось. В самом деле, почему бы девушке не влюбиться в такого красавца, как этот ваш Филипп.

Управляющий хитро усмехнулся:

– Строго говоря, инициатива, насколько мне известно,

как раз от Филиппа исходила. Ну а Ляля, понятное дело, не устояла. Да и кто бы устоял? От него бабы сразу на сопلي исходить начинали... – он мечтательно закатил глаза к потолку, но вдруг опять раздраженно хлопнул себя по колену. – Паразит, одно слово – паразит. Так меня подставил!

– Вы могли бы сейчас эту Лялю сюда пригласить? – перебила Арина, которой душевные терзания господина управляющего уже поднадоели. – Можно вашим кабинетом воспользоваться?

Он неопределенно повел плечом:

– Сейчас попробуем... Сегодня я ее вроде не видел, хотя тут все на свете позабудешь с такими делами... – он ткнул в кнопки селектора. – Галюша, Ляля сегодня работает? Как ее... – в динамике что-то проквакало. – Да, точно, Валерия Резвун, вечно забываю, помню, что смешная какая-то фамилия. Где она? – и уже повернувшись к Арине сообщил. – Не ее смена. Номер телефона вам Галюша продиктует.

Арина кивнула:

– И сами вы, когда она на работу явится, тоже передайте ей, что нам нужно побеседовать, пусть позвонит, – она передала управляющему белый прямоугольничек визитки. Ренат Ильич вздохнул с таким облегчением, что ей стало смешно. – А теперь расскажите мне о клиентке, заказавшей приватный танец, во время которого Филиппа, собственно, и убили.

По лицу управляющего пробежала легкая тень.

– А вы думаете... это она его?

– Я пока ничего не думаю, – сухо отрезала Арина. – Следствие обязано отработать все версии. Итак, что за дама?

– Боюсь, что... Ну то есть я не знаю. Заказ был сделан по телефону, расплатилась дама наличными, сразу как пришла.

– До того как? Это нормально?

– Да, вполне, многие предпочитают платить вперед. И нам так спокойнее, конечно.

Спокойнее, говоришь, саркастически подумала Арина. Показалось, или этот господин и впрямь что-то засуетился?

– Ладно, не знаете и не знаете, спросим у вашего персонала, может, кто-то ее узнал. Камеры наблюдения у вас есть? – спросила она, изобразив полнейшее равнодушие.

– Ну а как же! – оживился Ренат Ильич. – На входе, в общем зале... возле кухни есть, с нее как раз видно тот коридор, который в приват-зону идет.

– Как насчет в кабинетах? Камеры то есть.

– Что вы, как можно! – оскорбился управляющий. – Мы чтим конфиденциальность клиентов.

Ну да, ну да. Камера возле кухни, просматривающая ведущий к вип-кабинетам коридор, приватность, конечно же, не нарушает. Правда, с юридической точки зрения управляющий прав: видео из коридора и видео из кабинета – это, как сказали бы в Одессе, две большие разницы. При хорошем адвокате из коридорной записи даже на бракоразводном

процессе толку не выжмешь. И для вездесущих папарацци тут мало интересного, ибо лакомая клубничка по понятным причинам отсутствует. Если, конечно, кто-то из вип-клиентов не упьется до такой степени, чтоб голышом по коридору скакать. Хотя случаи разные бывают, и в качестве орудия шантажа даже вполне невинная запись может сыграть очень даже серьезную роль. Эка тебя занесло, одернула Арина сама себя. Если бы мотивом убийства был шантаж, так ведь господину стриптизеру никакие видеодокументы не требуются. Он сам по себе компромат. Собственно, про камеры в кабинетах она спросила для очистки совести, ни на что не рассчитывая. Это было бы чересчур прекрасно: получить видео убийства – вот ваш злодей, ну или как в данном случае злодейка, берите тепленькую.

– Что ж, если рассказать про эту таинственную даму вы ничего не можете, давайте на нее хотя бы посмотрим. Мимо входных камер она же проходила? И камера возле кухни, что глядит на коридор, ведущий в святая святых, должна была ее зафиксировать, правильно? – Арина лучезарно улыбнулась. – Вот и посмотрим.

– Света вас проводит.

Заплаканная Света, возникшая возле двери как по мановению волшебной палочки, мрачно кивнула.

Дед был хирургом.

Все знали, что если он тянет вполголоса унылобезнадёжную «По диким степям Забайкалья», значит тяжёлых пациентов мало, и даже у тех, кто казался безнадёжным, после операции наблюдается «положительная динамика». Маленький Ренат думал, что положительная – это от «положить», и не мог понять, что в этом хорошего: ведь если человека надо положить (от деда нередко можно было слышать «не совсем наш профиль, но очень просили, я его к себе и положил»), значит, он болен? Впрочем, годам уже к пяти Ренат научился понимать: если кого-то надо «положить», значит, дела его не очень, но если «положили» к деду, все будет хорошо, а если «положительная динамика», значит, все будет хорошо уже совсем скоро.

Зато мурлыканье заливчатской «Полным-полна моя коробушка» сопровождалось подергиванием кустистой брови и поджатым углом рта – это означало, что дед недоволен: не то собой, не то низкой сопротивляемостью пациента, не то неожиданной силой болезни, не то непонятными послеоперационными осложнениями.

Деда звали Илья Ренатович, и он стал Ренат Ильич. Отца у него не было. Мама, если он спрашивал, пожимала плечом, иногда бросая равнодушное «и так бывает», бабушка только

губы поджимала.

Бабуля не работала ни дня в жизни. Дед в своей клинике очень уставал, и «о нем нужно было заботиться». Это «заботиться» было ничуть не легче какой-нибудь работы: Ренат никогда не видел, чтобы бабушка хотя бы просто сидела, хотя бы пять минут. То возилась на кухне – если дед напек «Коробушку», уговорить его поесть было почти невозможно, но бабушка вечно изобретала что-нибудь «эдакое», и он все-таки ел – то стирала, то гладила, то шила. Она даже ботинки умела чинить! Хотя ботинки обычно носили на угол, где в маленькой будочке сидел усатый Исидор Гаврилыч. Иногда он «болел» (так со вздохом говорила бабушка, а Ренат, став постарше, узнал от соседей, что эта «болезнь» называется «запой»), и если ботинки или сандалии нужны были срочно, бабушка довольно споро чинила их сама, ловко орудуя кривыми «хирургическими» иглами. Мама ходила на какую-то непонятную службу, выбранную по принципу «поближе к дому». За такую же непонятную зарплату. Кормил всех дед.

Он умер прямо на операции. Точнее, едва ее окончив. Операция была длинная, сложная, и Ренат, стоя на кладбище, слышал то тут, то там шепотки: «Если б сразу, вполне спасли бы, а он держался, все сам сделал, сказал «шейте», отошел на два шага и упал. Валентина Федотовна когда подскочила, он уж мертвый был...» Валентиной Федотовной звали санитарку оперблока. На похоронах она долго смотре-

ла на Рената и хмурилась, как будто не узнавала. Потом слабо покачала головой и пошла куда-то в сторону.

Он даже сразу не понял, что жизнь изменилась моментально и бесповоротно. Учеба (последний класс, борьба за «золотой» аттестат), первые в жизни свидания и прочие юношеские увлечения. Не было времени ощутить дедово отсутствие – тот и раньше почти не бывал дома. Раньше – почти, теперь – совсем. Бабушка по-прежнему хлопотала по дому, правда, «эдаких» блюд уже не изобретала, и время от времени застывала посреди коридора, словно пытаясь что-то припомнить. Им платили какую-то пенсию «по утрате кормильца», мать по-прежнему ходила на свою службу «поближе к дому». Чтобы хватало на жизнь, продавали дедовы книги и разные, как он называл, бебехи: малахитового дельфина в серебряной коронке – почетный знак какого-то там общества, платиновые запонки – подарок британских коллег, и прочее в этом роде.

«Золотого» аттестата не получилось, хотя четверок было всего три. Но поступать пришлось на общих основаниях. В медицинский, разумеется. У Рената ни на мгновение не возникало ни малейших сомнений на этот счет. Нельзя же усомниться в том, что при ходьбе мы переставляем ноги попеременно. Мы же не начинаем вдруг прыгать на одной ножке, тем более не переворачиваемся вниз головой, чтобы начать ходить на руках. Есть естественный порядок вещей. Волга впадает в Каспийское море, зимой холодно, рыбы жи-

вут в воде. Он поступает в медицинский.

На собеседовании справа от председателя комиссии сидела смуглая худая брюнетка в строгом синем костюме. Ренат узнал ее сразу: Алевтина Борисовна Митина, бывшая начмед, а теперь, наверное, уже главврач дедовской клиники, сто раз бывавшая у них дома. Но тут, чуть тронув узенькие очочки в тонкой черной оправе и приподняв идеально выведенную бровь, спросила, как у незнакомого: «Садыков? Не родственник профессору Садыкову?» И добавила через секунду, поджав узкие губы: «Покойному». Ренат тогда неопределенно мотнул головой. Почему-то ему стало стыдно. Как будто он вдруг оказался перед досточтимой комиссией... без штанов, к примеру. Никогда в жизни – ни до, ни после – ему не бывало так стыдно.

Именно в этот момент он впервые отчетливо осознал, что деда больше нет. Точнее, не так. Осознал, что дед всегда был его... тылом. Вроде и не делал ничего особенного, но само его существование означало: все надежно, все незыблемо. А теперь его нет. И о Ренате никто и никогда больше не позаботится. И не то чтобы ему требовалась какая-то там забота – молодому здоровому умному симпатичому парню! – но ощущать это было почти жутко.

Конкурс в тот год – как впрочем, почти всегда – был какой-то сумасшедший, и для поступления Ренату не хватило полбалла.

Мать вышла на пенсию и через год вдруг умерла: вече-

ром легла, а утром не проснулась. Просто остановилось сердце, на которое она никогда вроде бы не жаловалась. Легкая смерть, шептались на похоронах соседки, всем бы такую. Бабушка пережила ее на полгода.

И Ренат остался один. Теперь уж – совсем один. От дедовых богатств (да и сколько их было-то!) к тому моменту оставалась только квартира. Квартиру он поменял – и принялся жить самостоятельно.

В общем, могло быть хуже, усмехался он иногда. Не спился, не убили, работа в итоге вполне приличная – хотя бы в смысле доходов. Да и интересная, если честно. Это странно, но руководить стриптиз-клубом Ренату Ильичу нравилось. Нравилось решать возникающие проблемы, нравилось «договариваться», примиряя зачастую непримиримых противников. Когда все шло как по маслу, а проблемы (совсем-то без них не бывает) были не серьезнее разбитого унитаза, он, вспоминая деда, мурлыкал под нос «По диким степям Забайкалья».

Сейчас – опять, черт побери! – было самое время напевать «Ой, полным-полна моя коробушка!»

Нет, глазастая девчонка-следователь и прочие представители правоохранительных органов ему не опасны, конечно. Они даже проблем не слишком много создают. Но вот все в куче... Черт бы побрал этого Филиппа с его моральными устоями и змеиным языком! Что он тогда нес – вспомнить гадко!

Ладно. Он справится, конечно. Не впервой. Ренат Ильич вытащил из сейфа початую бутылку «Хеннесси», плеснул в чайный стакан – много, почти половину – понюхал... и выплеснул янтарную жидкость в корзину для бумаг. Сунул туда же несколько бумажных полотенец, примял, усмехнулся – кучеряво живем, мусорки коньяком споласкиваем. Впрочем, все правильно. Не время. Потом. Если, конечно, будет какое-то «потом»...

* * *

Невзрачная серая дверь, за которой скрывалась пультовая, располагалась сразу за гардеробной стойкой. Странное место для пульта наблюдения – прямо на виду, чуть не у входной двери.

В ответ на Аринино недоумение управляющий, который зачем-то отправился вместе с ними (не доверял своей Свете или просто привык все контролировать?), лишь неопределенно пожал плечами:

– Единственное более-менее свободное помещение, не в кухонную же кладовую было всю эту технику засовывать.

Развалившийся в кресле перед мониторами парень – бритоголовый, мрачный, с подвеской-черепом в ухе – вздрогнув, обернулся:

– Здравсти, Ренат Ильич, я не слышал, как...

Управляющий хмыкнул – не то укоризненно, не то изви-

няюще – махнул рукой:

– Сиди-сиди, Вадим. Вот следовательно, нужно сегодняшние записи с камер посмотреть.

Арина ожидала, что молодой человек с черепом в ухе, пощелкав мышкой, вызовет на центральный монитор требуемый фрагмент, но парень вместо этого вскочил, оказавшись, несмотря на брутально бритую голову и череп в ухе, невысоким, чуть выше Арины, и довольно щуплым. Череп у него был не круглый, а несколько удлинённый, вроде дыньки. В целом – эдакий Кашей Бессмертный в молодости. Футболка – разумеется, черная, тоже скалилась черепами и вроде бы кинжалами.

Оказалось, что записи хранились на дисках.

– Дешевле, – коротко пояснил Вадим. – Диски сейчас практически ничего не стоят, ими ж никто уже не пользуется. Вот, лежат, в смысле стоят, каши не просят. Вам утренние, да? От входа и с кухонной камеры? – ничего не скажешь, соображать мальчик соображал вполне разумно. – Сейчас... – бурчал он себе под нос, копаясь на полке. – Ой, опять тут кто-то лазил, все перепутал. Это ж сегодняшние, вот тут должны быть, я в районе часа дня, как обычно, все перекинул, убрал... Погодите немного.

Когда Вадим метался по заставленной алюминиевыми стеллажами комнатухе, футболка двигалась как будто отдельно от его тощего тела.

Нужный диск, невзирая на все Вадимовы старания и мель-

тешню, так и не обнаружился.

Сам парень грешил на уборщицу и клялся всеми владыками неба и преисподней, что диск непременно найдется, потому что кому он нафиг нужен? Арина усмехнулась. Попасть в приватный кабинет можно только из коридора, на который смотрит «кухонная» камера. И если убийца не умеет телепортироваться, то на записи он быть должен. Собственно, эта камера должна была запечатлеть всех, кто подходил к кабинету. А значит, и убийцу. И ему – или, точнее, ей – эти записи очень даже нужны. Или все-таки не «ей»? Неопознанной заказчице приватного танца изъять диск с компрометирующей записью было бы затруднительно. И это, видимо, означает, что убийца – кто-то из персонала. Или не означает? Пультовая-то рядом с гардеробом, почти у входа то есть... Уборщица, говорите?

Ренат Ильич, покрутив головой, решил наконец, что его отсутствие ничем неприятным не чревато. Сухо кивнул – всем сразу – и удалился. Арина облегченно вздохнула. Не то чтоб управляющий так уж ей мешал, но без начальственного присмотра разговаривать с персоналом все-таки удобнее.

– Вадим, а кто вообще знает, что ты тут сидишь? В смысле, что камеры именно сюда выведены? Только те, кто здесь работает или еще кто-то мог знать? И насколько вообще сложно сюда проникнуть? Ты дверь запираешь, когда выходишь? То есть, если это все-таки не уборщица напортила, кто мог сюда зайти?

Он хмыкнул:

– Да ну! Мало ли! Тоже мне – секрет. Дверь чуть не от входа видно, на двери русским по белому написано, что тут находится – это чтоб с туалетом не путали, а то раньше бывало. Так что кто угодно мог знать. Иногда клиенты заходят, просят удалить что-нибудь. Иногда частные сыщики – этим наоборот, ясен перец, хочется какую-нибудь запись добыть. Ну там еще ревнивые мужья или жены, журналисты опять же... Пульт-то на проходе, дверь не всегда закрыта, видно, что тут находится. А если вы про кто мог зайти и спереть... ну... да, невелика сложность. Я ж тут как пришитый не сижу.

– И дверь не запираете? – удивилась Арина. Удивилась не столько тому, что дверь остается открытой – вон у них, бывает, даже следователи, выходя из кабинета, дверь не запирают, а уж тут-то! – сколько тому, как легко Вадим в этом признался. Даже сам словно бы удивился:

– Да на кой ее запирать! Тут же нет ничего ценного. Аппаратура каменного века. Да и тяжелое тут все. Диски? Кому они нужны. Ну кроме частных сыщиков и ревнивых жен. Но сегодня вроде никого такого к нам не появлялось, – он пожал плечами, кинжалы и черепа на футболке колыхнулись.

Аппаратура каменного века, какая прелесть! Арина представила неандертальца в алых отблесках костра из-за спины, вглядывающегося в гранитный монитор, мистическим способом воспроизводящий картинку с входной камеры наблюдения – кто там в гости пожаловал, не из враждебно-

го ли племени? Вырвавшийся смешок замаскировала скептическим хмыканьем:

– Кому-то, значит, понадобились...

– Ай, бросьте! – Вадим крутанул бритой головой так энергично, что закачался болтавшийся в ухе череп. – Говорю же – уборщица, сто пудов. Она у нас... – он покрутил пальцами. – Такая... Видите же, все перепутано, наверняка она по-своему порядок наводила. С нее станется. То вилки из розеток повыдергивает, а то и шнуры системные – типа иначе швабра у нее застревает. Диски могла просто уронить, а после рассовала куда придется. Так что, может, и не пропала запись, наверняка найдется еще.

– Все сегодняшние утренние записи на одном диске?

– Да нет... Каждая камера на своем. Я ж говорю, никуда она не пропала! Потому что вот, от входа-то на месте! И кухонная найдется, я вам сразу и...

– Давайте хоть входную посмотрим, – перебила Арина.

Дама, заказавшая приватный танец на странное время двенадцать тридцать, вошла в клуб без трех минут назначенное время. Чуть выше среднего роста, несмотря на просторное пальто видно, что стройная, подвижная. Нестарая – походка легкая, упругая, наводящая на мысль не то о подиуме, не то о балетном зале. Темное пальто, голову и плечи скрывает гигантский мягкий шарф. В дверь впорхнула так, что лица не видно, хотя...

– Стоп, – скомандовала Арина.

Похоже, это был единственный кадр, где можно было видеть лицо. Правда, вполоборота. Плюс гигантские темные очки. Да, вряд ли с этого кадра будет много толку. Ну да, яркий крупный рот виден очень хорошо, но нарисовать помадой любую форму – пара пустяков, так что и губы могут в реальности быть совсем другими. А кроме них из-за шарфа и очков ничего не разглядишь. Кусочек носа только. Маловато для опознания.

Спустя четыре с половиной минуты дама прошествовала в обратном направлении – все в том же пальто, шарфе и темных очках в пол-лица.

– Вадик, я... Ой, а чего это вы тут? – в дверь просочилась щупленькая остроносенькая девица, судя по бордовой жилетке с бейджиком, одна из официанток. Вадим сделал ей страшные глаза, вали, мол, не до тебя, но девушку это не остановило. – Ой, а вы следователь, да? Вы Филькиного убийцу на камерах смотрите? Ой, а я эту тетку знаю! – она наклонилась к монитору, на котором висел стоп-кадр: окутанная шарфом дама в гигантских очках.

– Она тут раньше бывала? – осторожно, боясь спугнуть столь важную свидетельницу, спросила Арина.

– Ну да, – девица равнодушно кивнула. – Рот, правда, у нее поменьше, но шарф такой же, нежный такой, темно-зеленый, очень красивый, и заматывает она его так же, и очки такие, ну и вообще. Это та, которая в Филиппа как кошка втрескалась, проходу ему не давала. Сядет у самой сцены

и пялится. Хотя из пушки над ней стреляй, не услышит.

Золото, а не свидетельница! Хотя... бывают такие, которые готовы что угодно сказать, лишь бы в центре внимания оказаться – глядите, какая я информированная персона! Эта... что там у нее на бейджике? Альбина? Вот уж менее подходящего имени не придумаешь... эта Альбина вроде не из тех, кто на ходу сочиняет, но все же...

– А приватные танцы она заказывала? – уточнила Арина. Остроносенькая нахмурилась:

– Вроде да... Или нет? Чего-то я даже и не знаю. Если заказывала, то редко. Это ж какие деньжищи!

Честное слово, она так и сказала – деньжищи. Да, похоже, не выдумывает ради привлечения внимания, а говорит о том, что ей действительно известно. Вон как сказала «не знаю» – легко, равнодушно. Теперь остается понять, что в ее рассказе факты, а что – личные домыслы. То есть что она видела собственными глазами, а что – выводы, которые она из увиденного сделала.

– Почему вы думаете, что она была в Филиппа влюблена?

– Ну так пялилась же! – воскликнула та.

– Вообще-то сюда именно за этим и приходят, разве нет? – Арина недоверчиво приподняла бровь – слегка, чтобы не отпугнуть, а наоборот, побудить к выкладыванию еще каких-нибудь «доказательств».

Но Альбина несколько сникла:

– Это да. Они все на Фильку как ненормальные пялились.

– Вы его не любили? Филиппа?

– Почему это? А, типа почему я не рыдаю, как Светка? Ну так не всем же от него на сопли исходить. Не, он нормальный парень был, хоть и красавчик. Простой такой, как валенок. Вот, говорил, заработаю, в деревню уеду, дом построю, сад разведу. В деревню! С ума сойти! Представляете, его бабы глазами прям поедом едят, бешеные бабки за приват платят, а он в это время про гусей каких-нибудь думает. Умора.

– Да, забавно, – согласилась Арина. – Ну так что насчет вот именно этой дамы, про которую вы решили, что она влюблена? Она как-то по особенному пялилась?

Остроносенькая нахмурилась и вдруг торжествующе заявила:

– А еще я их однажды в коридоре видела! Она такая вся в соплях, типа истерика, а он ее вроде утешает, типа ну не надо, ну успокойся, а у самого на морде написано, ну когда ты типа уже свалишь. Конечно, она в Филю втюрилась!

– И кто она такая? – без особой надежды поинтересовалась Арина.

– Почем я знаю? – девица дернула плечиками. – Вон у Светки спросите, может, она знает. А может, Филя эту тетку в блокнотик свой записал. Он вроде всех записывал. Такой блокнотик у него смешной.

И эта туда же – про смешной блокнотик.

Когда следовательница ушла, в пультовую опять заглянула Альбинка, изобразившая на лице вопрос: ну как? Он ответил сложенными в колечко пальцами – окей – и махнул рукой – не до тебя, мол. Кажется, Альбинка ему симпатизировала. А может, просто дружелюбие проявляла. Ему было все равно, хоть так, хоть эдак. Зачем ему Альбинка? Мальчишковое тельце, невнятная физиономия. Как в том анекдоте про лилипутов: мы так скоро до мышей доразмножаемся. Не то чтобы он задумывался о продолжении рода – зачем ему дети? – но девушка должна производить впечатление. Кто-то мог бы на это сказать: да ты на себя посмотри, какая тебе еще штучная девочка, не по носу табак! Что б они понимали!

Да, его никто не замечал. Сидит там, в боковом кабинете какой-то скучный невзрачный хмырь, жмет на какие-то скучные, никому не понятные кнопки – зачем сидит, зачем пялится в окошки мониторов? Правду сказать, в мониторы Вадик глядел не так уж часто и, что называется, вполглаза. Разве что когда в пультовую кто-нибудь заглядывал – тогда делал сосредоточенное лицо, хмурился, клавиши нажимал. Изображал занятость. Чтобы не приставали – с разговорами и прочей фигней в этом духе. Хотя и так не приставали. Кому придет в голову заводить беседу с таким как он – блеклым, несмотря на бритую голову и серьгу

в ухе, невзрачным. Взглянешь – и тут же забудешь.

Ему же это, страшно сказать, нравилось. Сейчас нравилось.

В юности – пусть даже по календарю эта самая юность была не так уж давно, зато по ощущениям... сейчас он чувствовал себя таким взрослым и умным, что с тех самых юных времен прошли, казалось, не годы – десятилетия. Тогда он мечтал – как любой, наверное, пацан – быть круче Сталлоне и Шварценеггера вместе взятых. Чтобы окружающие, едва взглянув, ахали и складывались в восхищенные (или испуганные, смотря по обстоятельствам) штабеля. Собственное отражение в зеркале казалось чужим и едва ли не бесило, так что в зеркало он старался лишний раз не смотреть. И еще бесило собственное имя. Ну что это такое – Вадик? Да и Вадим немногим лучше. Совсем даже, честно признаться, не лучше. И фамилия тоже дурацкая. Ладно бы Орлов или хотя бы Воронин, а то – Чижов! Чижи́кпыжи́к, где ты был? Именно так его дразнили в школе, сочиняя вместо классического «на Фонтанке водку пил» всякие другие продолжения. Как будто соревновались: кто придумает самое неаппетитное! Он мечтал поменять имя – и фамилию заодно! – когда это государство посчитает его достаточно взрослым. Почему нельзя сразу? Он даже нарисовал календарь и принялся вычеркивать в нем дни, остающиеся до вождя Освобождения. Придумывал – какое имя выбрать? С удовольствием придумывал, почти с наслаждением. Так

долго этим занимался, что постепенно игра в Освобождение успела изрядно наскучить. И вообще расхотелось что-то менять. Ну Вадик, ну Чижов, и что? Не Пупкин же, не Дураков, не Евстихий какой-нибудь. Имя как имя, такое же незаметное, как он сам.

Он был незаметным. Никому и в голову не приходило, что в его руках – в дурацких, никому не нужных темноватых кадрах с камер слежения – власть. Он никогда этим не пользовался. Ну... почти никогда. Если очередной муж – ну или жена, или еще кто – изъявлял готовность заплатить за компромат, почему бы не пойти человеку навстречу? Улучшить слегка свои не слишком шикарные материальные обстоятельства, но главное – почувствовать себя хозяином положения. Хочу – уступлю просителю (если просьба окажется достаточно униженной), хочу – сделаю каменное лицо. Вот такой я честный и неподкупный, а вы тут хоть какие громы и молнии на меня мечите. Попытка дачи взятки должностному лицу при исполнении им своих обязанностей карается... Он очень хорошо научился делать «неподкупное» лицо. Так что даже самые высокомерные быстренько прекращали попытки его купить или запугать (тот, кто пугает, и сам чего-то боится, всегда можно встречные угрозы в ход пустить – с тем же каменно-туповатым солдафонским лицом), и принимались – просить. Ему нравилось, когда у него – просят. Нравилось даже больше, чем получать мзду (иногда и немалую) за свою... сговорчивость.

Но это так, пустяки. Повседневная рутина. Убийство – совсем другое дело. Когда Вадик об этом думал, где-то внутри живота появлялась приятная щекотка.

Филипп никогда не был ему симпатичен. Подумаешь, кра-савчик какой! Вот за что его, скажите, природа так наградила?

Мертвый Филипп – это было гораздо приятнее. Собственно, о мертвом Филиппе можно было бы и вовсе забыть. Но именно мертвый, он открывал сумасшедшие возможности... И далеко не только денежные... Если только все правильно сделать. Ничего, Вадик всегда быстро соображал. И сейчас все посчитал моментально. Следовательница эта пусть хоть на ушах стоит, а если доказательств нет – извинитеподвиньтесь. Все отлично, никакой опасности. Зато получить можно... ох, много! Весь мир и пару коньков в придачу! Хотя коньки-то ему как раз и не нужны.

* * *

– Вот тут, – заплаканная Светлана, погромев громадной связкой ключей, открыла наконец дверь.

– Гримерка заперта была, когда тело обнаружили? – поинтересовалась Арина, помедлив на пороге.

– Нет, это Ренат Ильич велел закрыть, – шмыгнув изрядно покрасневшим носиком, отозвалась Света. – Ну на всякий случай. Филипп, – она опять шмыгнула, – запирал только

когда домой уходил. Да у нас никто не запирает, у нас ничего никогда не пропадало.

Надо же, какие они тут все порядочные... прямо институт благородных девиц, а не стрип-клуб.

– Я... я пойду? – тихонько попросила Света. – Мне... мне работать надо.

Работать, как же! Еще немножко поплакать – наверняка. А может, и придумать, чего бы еще наговорить про незнакомую пока Арине Лялю.

– Останьтесь, пожалуйста, – довольно сухо распорядилась Арина. – Вы можете еще понадобится.

Вообще-то она думала использовать Светлану в качестве одной из понятых, но не только. Пусть пока на глазах побудет, истерики – дело бесполезное. Арине почему-то совсем не было жалко эту девицу с кроличьими глазами и распухшим носом и хотелось слегка привести ее в чувство. Пусть посидит, авось еще что-нибудь скажет. Вряд ли полезное, но – любопытно.

Молча кивнув, Света скользнула в дверь и пристроилась в уголке.

Взглянув наконец внутрь гримерки, Арина вздрогнула. «Ох ты ж, мои калоши с сапогами», – как говорила иногда бабушка, обнаружив, что переложила сахару в тесто для куличей.

Сладкого и в гримерке наблюдался явный переизбыток. С покрывавших большую часть стен постеров и фотографий

соблазнительно улыбался Филипп. То озорной, то высокомерный, то нежный, но везде – ослепительный. Да уж, понятно почему от него дамы с ума сходили. Не потому что красавец. Точнее, далеко не только потому. Ох, как далеко. И понятна фраза управляющего: а кто бы устоял? Перед таким, пожалуй, устоишь.

Но обвешать все вокруг собственными изображениями? Арина поежилась, представив, что со стен кабинета на нее тарашится ее собственная многократно повторенная физиономия. Ужас. Или у тех, кто работает на сцене, другое восприятие себя? Или это ради пиара устроено? Сюда, небось, поклонницы пачками шастали. Вон у эстрадных звезд, судя по телерепортажам, на стенах такие же иконостасы. И не факт, что сами звезды получают от этого удовольствие. Ох, врет реклама насчет «имидж ничто». Для кого-то он очень даже все.

Целую стену занимала блестящая никелированная стойка с разнообразными костюмами: от алых шелковых шаровар с парчовым кафтаном и длиннющим атласным поясом до кожанометаллической «гладиаторской» сбруи. Самые «примитивные» одежды, вроде полицейского мундира и медицинского халата скромно грудились в углу.

– А где его телефон? – сообразила вдруг Арина, бегло осмотрев заставленный многочисленными баночками и флаконами туалетный столик и забитый еще большим количеством подобных же баночек шкафчик под ним.

– Может, тиснул кто-то под шумок? – предположил щелкавший фотоаппаратом криминалист.

– Ну да! – фыркнул в ответ Мишкин. – Лопатник с кучей налички оставил, часы глянь какие, в две моих годовых зарплаты, небось, какая-нибудь поклонница преподнесла, – часы и впрямь были, мягко говоря, не дешевые. – Ладно еще банковские карты проигнорировать, но оставить наличку и стырить телефон? Он что, бриллиантовый был?

Арина повернулась к притулившейся в уголке Светлане:

– Вы не знаете, какой у него телефон был?

Ответила та на удивление спокойно:

– Да обычный айфон. Даже не последней модели.

– Проверяем все карманы, – распорядилась Арина, приступившая к осмотру гримерного столика. – Мало ли куда он его мог засунуть. И блокнот, блокнот ищем. Там наверняка будет какая-то дельная информация.

– Угу, – подал голос Мишкин, – имя, фамилия и отчество убийцы, вместе с адресом.

– Насчет адреса не гарантирую, – парировала она, – но, если этот товарищ, как сказал управляющий, действительно записывал более-менее всех своих клиентов, нужное нам имя там вполне может присутствовать. Кто на двенадцать тридцать записан? Ага, Марь Иван-на Пупкина! Если она и не убийца, то как минимум ценнейший свидетель. А ну-ка, Марь Иванна, выкладывайте все как на духу...

По комнате пробежал смешок. На шутку отозвался даже

серьезный Молодцов:

– Хорошо бы... – и, обведя глазами скопище соблазнительно улыбающихся Филиппов на стене, хмыкнул. – Давай, Стас, не отлынивай. Красивые картинки – дело хорошее, но вряд ли нам от этих портретов будет какой-то толк. А вот записи клиентской базы, это да, это информация нужная.

– Да ни при чем тут клиентки! – воскликнула вдруг сидевшая в уголке Светлана. Даже с места вскочила. – Зачем клиентке его убивать? Я же вам сказала, кто! А вы... – она опять шмыгнула носом, жалобно, как ребенок, которому не дали обещанную за хорошее поведение конфету: я все сделал, посуду помыл, мусор вынес, а вы...

– Света, мы понимаем важность ваших показаний, – терпеливо объяснила Арина. – Но мы должны все проверить, понимаете? Так полагается. И если ваша информация подтвердится...

– Какого вам еще подтверждения надо? – сердито буркнула та, усаживаясь на место и угрюмо глядя в пол. Потом вдруг вскинулась и торжествующе воскликнула: – Вы же ее сережку там нашли!

Арина недовольно вскинула бровь:

– Откуда вы знаете про сережку?

– Подумаешь! Все знают! – фыркнула Светлана.

Понятые, мысленно вздохнула Арина. Их, конечно, предупреждают, чтобы не болтали лишнего, но все равно же болтают – как же не обсудить столь горячую тему как про-

изошедшее прямо под боком убийство. А сережка приметная... Ладно, теперь хоть не надо будет опрашивать персонал в поисках хозяйки. Вряд ли, правда, это имеет отношение к собственно убийству. Хотя это еще как посмотреть: ведь, похоже, эту самую Лялю кто-то пытается подставить. И если не убийца, то кто? И чем настойчивее Света старалась утопить явно ненавистную ей Лялю, тем сильнее Арина убеждалась: реальные события выглядели совсем по-другому. Проще говоря, врет эта Светлана, как сивый мерин... Точнее, как сивая кобыла, поскольку девочка все-таки. Интересно, почему и мерин, и кобыла – один врет, другая бредит – оба сивые?

Вряд ли Светлана догадывалась о не слишком лестных для себя Ариных мыслях, но смотрела почти враждебно. Мол, про сережку все знают, и, значит, каких вам еще доказательств!

– Если у погибшего с Лялей был роман, наличие на месте происшествия ее серьги мало что доказывает, понимаете? – вкрадчиво пояснила Арина, специально заменив «место преступления» на «место происшествия». – Хорошо бы еще что-нибудь, – все так же вкрадчиво продолжала она. – Записи с камер наблюдения, показания свидетелей...

– Так я же свидетель, я говорю, что это она! А! – Светлана опять вскочила со своего стульчика. – Вам, небось, сказали, что сегодня не ее смена была, а вы и поверили? А что, если я дам показания, что я ее видела? – вид у девушки был уже

не унылый, а почти торжествующий.

– Но ведь вы ее не видели? – ласково улыбнулась Арина.

– А вот и видела!

Арине вспомнилось, как маленькая Майка – года три, что ли, ей тогда было, а Арина приехала в отпуск – вернувшись с прогулки, сперва рассказывала о скачущих по собачьей площадке пуделях, овчарках и прочих догах, а после вдруг начала описывать псину «с глазами, как блюдца» – как все от нее разбегались, а собака была совсем не страшная, только большая. Во-от такая – поднявшись на цыпочки, Майка показывала собачий рост почти на уровне Арининой головы. И на все уговоры – подумай, может, она была тебе по пояс? – категорически настаивала на своем. В тех же, кстати, выражениях: а вот и большая! Но это – ребенок, которому только что прочитали андерсеновское «Огниво», а Светлана-то – взрослая девица!

– Вот как? – Арина посмотрела на нее «специальным» взглядом: точно над переносицей, вроде и в упор, но в то же время не глаза в глаза, такой взгляд неплохо выбивает допрашиваемого из колеи. – Сначала вы нам об этом не сказали.

Смутиться Светлана смутилась, но от своей версии событий не отказалась:

– Ну... я сперва не сообразила, что это важно. Перенервничала, потому что... ну вы что, не понимаете, что ли? А потом вспомнила! Ну вот вспомнила и все... – девушка замялась.

– Если вы, Света, что-то или кого-то видели, это, безусловно, очень важно, – Арина успокаивающе покивала, пряча ненужную сейчас скептическую усмешку. – Вот расскажите все Станиславу Борисовичу, а после ко мне придете, там уж официально показания снимем. Стас, побеседуешь с девушкой? – Арина бросила быстрый взгляд в сторону Мишкина, тот понимающе ухмыльнулся и еле заметно подмигнул. Ему тоже было ясно, что насчет «видела» Светлана почти наверняка врет, как, возможно, и насчет всего остального. Неизвестную же Лялю подставляет, как это пишут в протоколах, по причине сильной личной неприязни. В то же время ревность как мотив тоже нельзя со счетов сбрасывать, может, эта Светлана не только со зла на Лялю наговаривает, а от себя подозрения отводит. Так что, врет она или нет, показания все равно снять надо. Но сперва – закончить осмотр примерки.

Толк от «картинной галереи» все-таки был – блокнотик в итоге обнаружился за одним из портретов.

Телефон же убитого как в воду канул.

* * *

Вскрывала красавца-мужчину Ярослава:

– Нет, ну ты погляди, какая красота! – восклицала она, поддев кончиком скальпеля уже взрезанную кожу. – Не то что у некоторых. У большинства, точнее. Как подойду к сто-

лу, глядеть тошно: даже у молодых шкурка вялая, рыхлая, под ней все дряблое, вместо мышц кисель, жиром не то что подкожка, а все нутро заросло.

– Можно подумать, к тебе на стол одни толстяки попада-
ют, – подала реплику Арина.

– Ой, я тебя умоляю. Жертвы диет еще хуже. Жира у них, положим, нет, но ведь и мышц не найдешь. Отличная на эту тему есть восточная поговорка: худая корова – еще не газель. А я, как специалист, которому открыт весь ваш внут-
ренний мир, скажу: фигуру делают мышцы. Если мышечный корпус в тонусе, даже десятипятнадцать кило лишнего жира дела не портят. Но они будут в листиках салата калории вы-
считывать, а чтоб пройти хоть пару остановок пешком – ни-ни-ни, как можно, корона упадет. Ладно, пусть никто не ду-
мает, что когда-нибудь может оказаться на секционном сто-
ле. На то, как он будет выглядеть в глазах танатолога, сред-
нему нормальному гражданину не то чтобы плевать, ему это вообще в голову не приходит. Но это ж его собственное тело! Разве можно с ним так варварски обращаться, чуть не спе-
циально разрушать? Тьфу! – сама она, при «жокейском» ро-
сте, щеголяла фигурой топ-модели, не жалея времени и сил на спортзал и бассейн. – А тут прямо душа радуется! Ну раз-
ве не прелесть? Мускул крепенький, как на учебном манеке-
не, кожа плотная... Сердце, печень, легкие – все чистенькое, никаких тебе тайных болячек, прямо на зависть здоровый экземпляр, м-м-м... Да ты посмотри!

– Слав, ты как будто на рынке мясо для шашлыка выбираешь, ей-богу!

– Да ладно! – Ярослава смешно сморщила точеный носик.

Арина слушала подобные монологи уже не впервые, поэтому слегка соскучилась:

– По делу будет что-нибудь, или я тут чисто для того, чтоб тебе было перед кем восторги изливать?

– Фу! – та сморщила обиженную рожицу. – В които веки привезли персонажа, которого даже вскрывать приятно, а ты все сразу обламываешь. Черствая ты, Вершина, никакого в тебе понимания и сопереживания.

– Слав, я сопереживаю. Но вот ему, – она повела плечом в сторону секционного стола, – немножечко больше. Ибо кто ему еще посопереживает, если даже судебный медик на его тело, как на кусок наглядного пособия, смотрит?

– Да ладно! – Мирская заговорщицки ухмыльнулась. – Ему наоборот должно быть приятно, что им даже после смерти восхищаются. Глядит его душенька сверху и радуется. Ой, не сверли меня укоризненным взглядом! По делу тебе? А, собственно, по делу-то немного. В целом никаких сюрпризов. Смерть наступила от проникающего ранения в мозг, нанесенного... ну, собственно, что извлекли, тем и нанесено, – она мотнула головой в сторону эмалированного лотка, в котором покоился недавно извлеченный окровавленный шампур. – Если ты ждешь детективных откровений про то, как сперва ударили одним орудием, а после рану сокрыли

вторым ударом, то даже и не думай. Тут все однозначно. Хотя с направлением удара по-прежнему ясности нет. Точнее, с местоположением убийцы. Мальчик в момент нанесения раны сидел, угол вхождения довольно высокий, поэтому я склоняюсь к тому, что кто-то зашел сзади, со стороны диванной спинки, но это не сто процентов. Если покойный сидел, к примеру, слегка нагнувшись, а на диванную спинку откинулся уже под действием этого самого удара, тогда убийца мог и спереди стоять. Хотя мне эта картинка как-то сильно меньше нравится. Сзади как-то правдоподобнее. И бить сподручнее и риск измазаться куда меньше. Можно с манекеном еще попробовать поработать...

– Потом, – отмахнулась Арина. – Может быть...

– Если захочешь, – прыснув, подхватила Ярослава цитату из любимого обеими «Здравствуйте, я ваша тетя!». – Ладно, сама скажешь. Что еще пока? Травить его, похоже, не травили. Токсикологи сами тебе все, конечно, скажут, но по состоянию кожных покровов, слизистых, ну и внутренних органов, естественно, тут все хорошо. В смысле, чистенько, без посторонней химии. Мне вот знаешь, что интересно?

– Почему он не сопротивлялся?

– А вот не угадала! – Мирская показала Арине розовенький чистый язычок. – Это ты сама разберешься. А интересно мне, как этот красавец, работая в столь злачном заведении, ухитрялся избегать выпивки и тому подобных соблазнов? Я даже не про классическую наркоту, но таблеток-то

нынче всяких – миллион.

– А он избегал? – переспросила Арина, понимая, впрочем, что если Ярослава говорит, значит, так оно и было.

Та мечтательно вздохнула:

– На печень погляди! Мне бы такую...

– Угу, – хмыкнула Арина, зловеще добавив. – И пожарить.

Ярослава изобразила лицом оскорбленное непонимание – как принцесса, которую настойчиво приглашает на танец пьяный охранник:

– Ну знаешь! Еще на меня шикаешь за неуместный юмор, – и, не выдержав, захихикала.

Арина вернула ее к делу:

– Ты говорила про нажатие на сонные артерии...

– Ну есть тут следочки по сторонам шеи. Слабенькие, но есть. Я зафиксировала. Впрочем, тоже не показатель, они могли и от каких-нибудь секс-игрищ остаться. Но недавних, следочки свежие, незадолго до смерти полученные. В комплекте к ним наличествуют также старые – ну относительно момента смерти старые – следы связывания на запястьях, то есть игрищ мальчик не чурался. Но в целом удивительно здоровый труп.

– И что мне с того толку? – Арина разочарованно махнула рукой. – И Артем с одежды никаких микро-следов не наскреб. Ну не считая тех волосков и каких-то волокон с дивана. Но их еще с чем сравнивать-то? Ни с кем наш покойник в близком контакте не был. Пусто, короче говоря, по всем

направлениям. Я-то надеялась, хоть ты что-то полезное скажешь. А выходит, и тут ничего.

– Так-таки и ничего? – обиделась Мирская. – Следочки на шее, пусть и сомнительные, раз. Серьга в кулаке – причем, заметь, без следов крови, как я и предсказывала. То есть серьгу из уха не случайно выдернули, а аккуратно вынули. И, весьма возможно, в кулачок жертве уже после смерти вложили. Это два. Содержимое желудка опять же. Почему тебя это не интересует? Очень, знаешь, показательное содержимое: брокколи, то ли тушеная, то ли запеченная, таких тонкостей я тебе уже не определю, с сыром, сдобренная некоторым количеством свежей зелени. И при том, заметь, ни грамма алкоголя. То есть подсыпать-подлить ему что-то в бокал было бы затруднительно. Это три. Тем более что ел он часа за полтора до смерти, то есть до того как поперся в кабинет для частных танцев. Это уже четыре. А ты говоришь, ничего.

– То есть версия о том, что его предварительно чем-то усыпили, не прокатывает? – Арина с надеждой поглядела на эксперта.

Эксперт пожала плечами:

– Ну, положим, снотворное можно и в стакан воды подлить-подсыпать. Ну или дать вдохнуть что-нибудь.

– Или уколоть что-нибудь?

Мирская покачала головой:

– Следов укола я не обнаружила.

– И на голове? – Арина понимала, что хватается за соломинку, и Ярослава сейчас имеет полное право обидеться, но все-таки спросила.

– Ты решила усомниться в моем профессионализме? – почти фыркнула та. – Разумеется, под волосами я тоже смотрела. Могу его наголо обрить, чтобы ты убедилась. Что? – увидев, как Арина замотала головой, она картинно вскинула брови. – Не нужно? Как же это? Я ведь могла что-то и пропустить... – сказала она весьма саркастически.

– Ну Слав!

– Да ладно, я тебя понимаю. Ты должна была спросить. Укол в волосистой части головы действительно трудно заметить. Но поверь, там ничего нет, я его шевелюру практически по волоску перебрала. И в любом случае, последнее слово за токсикологами. Кровь я им уже отправила. И образец мочи, кстати, тоже заодно с содержимым желудка – для полного комплекта. Но я бы на твоём месте не слишком надеялась. На мой взгляд, мальчик чистый.

– Какие уж тут надежды! – Арина, вздохнув, покачала головой. – Зато поглядела на вскрытие образцового трупа. А то в самом деле все больше вялая бессильная плоть, да еще, как правило, и не слишком свежая.

– Во-от! – Мирская воздела обтянутый перчаткой указательный палец. – Поневоле начнешь думать, что человечество деградирует. Так что на общем фоне такой вот здоровый труп – прямо подарок. И, кстати, – остановила она Ари-

ну уже на пороге, – один из волосков, что мы с жилетки убитого сняли, точнее, этот не с жилетки, а с рукава рубашки, так вот волосок мужской. Тот, что самый маленький. Светло-русый, если что. Это тебе четыре. Или уже пять?

– Ну спасибо и на том, – Арина изобразила в сторону Мирской благодарственный поклон.

Подарок, размышляла она, выходя из судмедбюро на вольный воздух. Какое милое слово. С учетом контекста. В каком-нибудь кинотриллере у Ярославы нашелся бы сумасшедший поклонник. Убивал бы исключительно здоровых, тренированных и красивых людей – специально чтоб порадовать обожаемую женщину...

* * *

– Вершина, ты все-таки начальству-то не забывай докладывать, а? – укоризненно, но вполне добродушно заметил полковник Пахомов, именуемый за глаза ППШ, как пистолет-пулемет Шпагина.

– Простите, Пал Шайдарович! Забегалась, – Арина молитвенно прижала руки к груди. – Докладывать-то пока нечего.

– Чего там? Я про стриптизера. Убийство из ревности или чаевые не поделили? Или, боже упаси, наркота замешана? Меня больше последнее интересует.

– Чаевые и прочие финансы вряд ли, наркота гарантированно не при делах, а насчет ревности пока не уверена.

Не исключено. Или ради сокрытия чего-либо... Клиентура-то у мальчика была непростая. Управляющий тамошний должен подогнать список самых регулярных клиенток. Ну и личные, в смысле рабочие записи покойного надо изучить, вот сейчас как раз собиралась.

– Ладно, иди работай, – он уткнулся в одну из заполнявших его рабочий стол бумаг.

Арина отправилась к себе, намереваясь перед изучением стриптизерова блокнотика наскоро пробежаться по интернету. Не то чтобы рассчитывая найти там что-то ценное, но нынче же время соцсетей, чем не источник информации? Светлана с кроличьими глазами там точно должна быть. А может, и не только она.

К сожалению, Калерия Стефановна Райская – недавно почившая в бозе Филиппова поклонница – в соцсетях отсутствовала. Не то по возрасту, не то из-за отсутствия интереса. Имени ее племянницы (якобы влюбленной в Филиппа как кошка) Арина не знала, так что это «знакомство» пришлось на время отложить.

На Светочкиной же страничке не продохнуть было от портретов Филиппа. Время от времени рядом мелькала и сама хозяйка аккаунта. Парные снимки сопровождались скромно-многозначительными подписями:

«мы перед работой» и прочее в этом духе. Ну да, усмехнулась Арина: ключевое слово – «мы». И ведь не придерешься. Приносит ли пользу интернет-общение или вовсе наоборот,

можно спорить. Но оно, безусловно – несравненный инструмент по созданию впечатления. Пишешь «мы», в смысле – да вообще без всякого скрытого смысла, просто «я» и «еще кто-то», одновременно оказавшиеся в одной точке пространства – а у читающего создается впечатление некоей общности. Раз двое на фото и подпись «мы», значит, отношения? Нейролингвистическое программирование во всей красе.

Как в том старом анекдоте про старика на приеме у сексопатолога: при чем тут возраст, мой сосед рассказывает, что он, в свои восемьдесят, может каждый день!.. гм?.. покажите язык... горло... не вижу, что мешало бы вам рассказывать то же самое и даже больше. Рассказывать!

Кроме портретов покойного красавца, наличествовали туманные статусы, многозначительные философические как бы афоризмы, бесконечные намеки на непонятно что и прочие элементы игры «смотрите, какая я вся из себя интересная! и жизнь у меня всем на зависть!»

Почти каждая фотография сопровождалась каким-нибудь бессмысленно-вдохновенным призывом вроде: если любишь, жми лайк. Или: сделаем мир прекраснее, репост! Вовсе безответными призывы не оставались, лайки (а кое-где и репосты) наличествовали: то пять, а то аж целых тринадцать!

Имелись на страничке и неизбежные, как ноябрьский дождь, котики, но максимум пространства занимал все же Филипп. Все снимки – Арина усмехнулась – были сдела-

ны в интерьерах клуба. Только один из относительно свежих – на, так сказать, пленэре: Светлана и Филипп фехтовали шашлычными шампурами, за их спинами кудрявилась какая-то невнятная зелень. Не то дубовая роща, не то липовая аллея. Снимок – она вгляделась в дату поста – был сделан чуть больше полугода назад, в конце прошлого лета. Шампуры были простенькие, дешевенькие – совсем не та красотень, что в vip-кабинете – а позы «фехтующих» выглядели нарочитыми, искусственными.

В общем, со Светой все было ясно. Девушка из всех сил старалась продемонстрировать всему интернетсообществу, что она – объект внимания «потрясающего парня, ммм, так бы и съела» (по формулировке одной из комментаторш). Демонстрация, в общем, у нее вполне удалась. Особо настырные комментаторши, намекающие (а то и прямо требующие) чего-нибудь «более интимного», получали холодную отповедь в духе «может, вам еще и содержимое унитаза показать?» Многим, как заметила Арина, это внушало уважение, одна девица регулярно сокрушалась: «Как у тебя получается не переходить границу? Я вот удержаться не могу. Научи?» Учись, высокомерно ответствовала Света.

Интересно, подумала Арина, каково это – жить в пространстве между грезой и реальностью. Мечтать о близком – руку протянуть! – красавце, получать завистливые реплики, как если бы красавец и в самом деле был «твоим» и... все время помнить, что красавец – недоступен, как полюс холо-

да. Эдак и до психушки доиграться недолго.

Ай, ладно! Пусть Света сама разгребает созданные собственными наманикюренными ручками проблемы.

Арина решительно щелкнула мышкой, сворачивая окно браузера, и положила перед собой пакет с «главным вещдоком». Ну, главный он или не главный, в процессе выяснится, но пока выглядит перспективно. В смысле потенциального источника информации – уж точно.

Хотя и смешной, правы были и управляющий, и та остроносенькая девица.

Блокнотик был маленький, но пухлый. Обложка мягкая, кожаная, вовсе даже не «розовенькая», как определил управляющий, а бледно-лавандовая, да еще и с искрой. Такой действительно больше подошел бы романтической девочке, а не здоровенному мужику. Хотя черт их, этих танцоров знает. А может, книжка – подарок одной из клиенток. Тогда она отражает вкусы клиентки, а не Филиппа. Почему он им все-таки пользовался? Или клиентка особо почетная – типа память. Либо, что еще вероятнее – а почему, собственно, нет? Вещь, хотя и избыточно гламурная, но сразу видно – весьма недешевая. Даже бумага какая-то особенная, тоже очень красивая: бледно-персиковая, тонкая, чуть не прозрачная – но плотная, так что записи и не просвечивали – и как будто мраморная. Чистого места оставалось не больше трети блокнотика.

Некоей «Лер» было отведено аж три странички. Даты сле-

довали друг за другом плотной чередой, кое-где перемежаясь непонятными значками – то звездочками, то восклицательными. Один из значков был похож на силуэт автомобиля, другой напоминал банный веник. Вокруг «Лер» изначально, видимо была нарисована затейливая рамочка, теперь скрытая под кривоватым черным прямоугольником – кое-где из-под него выглядывали лепестки и завитки первой, цветной рамки. Под нижней черной полосой, прямо поверх записанных там дат, было нарисовано две розы. Довольно похоже, кстати, нарисовано. «Лер» – это, надо полагать, та старушка, что недавно умерла, догадалась Арина.

Если бы все это происходило в детективе, усмехнулась она, старушка... как ее... а! Калерия Стефановна Райская, вполне детективное имечко... и смерть ее была бы, разумеется, никоим образом не естественной, а наоборот – подстроенной кем-то из жадных наследников, коих тоже, разумеется, должно было бы обнаружиться не меньше дюжины. Угу, усмехнулась она, причем парочка – неопознанных, не виданных с младенчества из-за каких-то невероятных семейных конфликтов... но тишком пристроившихся к старушке под видом... горничных, к примеру. И папаша Пуаро (или кто-нибудь из его современных коллег) на протяжении десяти серий копался бы в сплетениях мотивов и возможностей. А в финале жадные наследники остались бы ни с чем, потому что хитрая бабуля предусмотрительно отписала все свое движимое и недвижимое, например, собачьему приюту.

Больницы Арина не любила всю жизнь. Собственно, не именно больницы, а медицинские учреждения вообще: поликлиники, амбулатории и прочие... лаборатории. Везде ей чудился запах смерти. Или не запах. Как будто, пройдя коридором какой-нибудь поликлиники, можно было... увеличить собственную смертность. Не то чтобы приблизить кончину, но – при прочих равных – снизить шансы на выигрыш против какого-нибудь злобного микроба. Или – еще вероятнее – против естественных (как, увы, утверждают ученые, и отнюдь не только британские) механизмов, так сказать, угасания.

Единственным исключением из этой странной идиосинкразии было бюро судебно-медицинской экспертизы – в просторечии морг – то есть именно то место, где смерть как раз таки царила.

Больница, где завершила свой жизненный путь – кажется, так полагается говорить? – Калерия Стефановна Райская, занимала скучное восьмиэтажное здание. Кажется, кирпичное. Или это отделочная плитка была «под кирпич»? Уже метров с десяти грязновато-рыжие прямоугольники сливались, а стоило отойти подальше, весь корпус (сзади к нему прилагались еще два, технических, двухэтажных) выглядел как поставленный на попа кирпич. Даже ряды окошек это-

го впечатления не ослабляли. Унылое, в общем, строение. И гигантский стеклянный вход (из четырех дверей открыта была одна) радостнее его не делал. И полы «под мрамор» тоже. Вдоль стены тянулась череда слепленных воедино пластиковых «кресел». В большинстве своем – занятых. Люди ждали не то врачей, не то «приема», не то свидания с кем-то, кто уже находился в недрах «кирпича». Подле рыжеволосой бабули в синем байковом халате, усеянном гигантскими ромашками, сидел бритоголовый мужик в едва не лопавшейся на квадратных плечах кожанке. Он все наклонял голову, как будто хотел не только слышать, но и видеть, что говорит ему бабуля. Та улыбалась и время от времени гладила его по бритой голове.

Прямо возле стеклянных дверей выпирала на «мраморные» полы стойка гардероба, за ней – справочное окошко и еще какие-то окошки и двери. Дальше виднелись лифты.

– Куды без бахил? Стой, говорю! – следом за Ариной затопотала неопределенного возраста фигура в синем халате.

Спорить с фигурой Арина не стала, купила в автомате возле гардероба пакетики с бахилами (эх, надзора на вас нет, бахилы в больницах должны быть бесплатно! да и черт с вами!), натянула на сапоги синие чехлы, моментально почувствовав себя очень глупо. Человек, обутый в синие полиэтиленовые чехлы, не может не чувствовать себя глупо.

Напротив лифтов красовалась схема расположения отделений. Сами лифты показались Арине... странными. Таб-

личка возле левых трех предупреждала, что они «до пятого», правые могли – теоретически – доставить на верхние три этажа. Отделение кардиологии – последний, так сказать, приют Калерии, чтоб ее, Стефановны – располагалось на четвертом. Главврач – на восьмом. Она задумалась: ехать к главврачу или к заведомому?

Первым пришел один из левых лифтов. Перст судьбы, не иначе.

Разверзшиеся двери выплюнули Арину прямо к дверям кабинета заведомым кардиологии. Табличка смущенно прикрывалась листом бумаги, приклеенным сразу под «заведующий отделением». Никитенко Лариса Игоревна. Гм. Ио – ну да, понятно, исполняющая обязанности. И, судя по состоянию бумаги, та была приклеена явно не вчера. Вот и отлично, а то как бы не пришлось предыдущего заведующего искать. Впрочем, госпожа Райская умерла совсем недавно.

Внезапно распахнувшаяся дверь едва не шарахнула Арине по лбу, выпустив в коридор маленькую седенькую старушку, беспрерывно кивавшую и махавшую сухонькой ладошкой в сторону кабинета и бормотавшую:

– Ой, спасибо, деточка, дай тебе боженька мужа хорошего и деток здоровеньких...

Хозяйка кабинета походила максимум на участкового терапевта или, быть может, на учительницу младших классов, но никак не на заведомым. Молодое, не старше тридцати, узкое лицо, прозрачно-серые глазищи в рамке пушистых

ресниц, толстенная золотая коса, перекинута через левое плечо. Наверное, если бы через правое, писать мешала бы, подумала Арина. И да, исполняющая обязанности...

Представившись по всей форме и обозначив причину своего появления, она вдруг почувствовала, что уткнулась в стену.

– Вы, надеюсь, в курсе, что действие врачебной тайны не заканчивается со смертью пациента? – довольно холодно произнесла златовласая хозяйка кабинета.

– Лариса Игоревна! – Арина даже руки перед грудью сложила для убедительности. – Если бы дело было в ваших, ну в смысле медицинских секретах, я пришла бы с ордером, изъяла бы, по соответствующему постановлению, историю болезни. Но меня не особенно интересует история болезни Райской, разве что в общих чертах, и к вашему заведению у меня никаких претензий не имеется.

– Что же вы, в таком случае, хотели? – поморщилась златовласка.

– Поговорить, Лариса Игоревна.

– Со мной? – та скептически вздернула каштановую бровь.

– И с вами, и с вашими сотрудниками. С теми, кто госпожу Райскую запомнил.

Златовласка пробормотала что-то, нажав клавишу селектора, и, подняв на Арину свои хрустально-серые глазищи, довольно сурово осведомилась:

– Вы с палатным врачом хотели побеседовать?

Арина пожала плечами: мол, вам виднее.

Явившаяся на зов облаченная в бирюзовый халат дама была мало не вдвое старше и более чем вдвое крупнее своей, хоть и временной, начальницы.

– Галина Леонидовна, – сухо кивнула златовласка, – тут следователь к вам... к нам...

– Опять родственники! – всплеснула руками бирюзовая дама. – Да что же это! Жалуются и жалуются!

– Нет-нет, – успокоила ее Арина. – К вашему лечебному учреждению ни у кого никаких претензий. Просто тут в связи с одним из текущих дел возникли некоторые вопросы. Вы можете мне про Райскую рассказать? Без всяких врачебных тайн, просто почеловечески. Какая она была?

– Приятная дамочка, – сообщила Галина Леонидовна, плюхаясь в кресло слева от стола начальницы. – Ну с фанатериями, а кто без них? В персональной палате лежала, ну а что, если может себе позволить? Вы не подумайте, у нас внимание ко всем...

– Да я не думаю ничего такого, – ободряюще улыбнулась Арина. – Вы рассказывайте.

– Ну санитарок загоняла, да. Плинтуса типа недомытые. Хотя у нас чисто, она просто придиралась.

– Ничего-ничего... Посетители у нее часто бывали?

– Ну... бывали, – согласилась бирюзовая дама. – Племянница чуть не каждый день бегала. Но Калерия ее, по-моему,

не больно жаловала. Ну подружки ее какие-то прискакивали, то цветочки, то пироженки таскали. И... дня за три... – в глазах дамы почему-то появилось мечтательное выражение.

– Ну-ну... – поторопила Арина.

– Молодой человек к ней приходил, – сообщила Галина Леонидовна и вдруг вздохнула. – Красивый – умереть не встать! Ну вот как я прям не знаю, даже в кино такого не увидишь, честное слово!

– Я в курсе, – улыбнулась Арина. Значит, незадолго до смерти старой Райской ее посещал ныне покойный Филипп. Важно это? Нет? – посомневавшись секунддругую по поводу того, что опознание не по форме, она показала Галине Леонидовне одну из позаимствованных в гримерке фотографий, на которой загадочно улыбающийся Филипп сидел у барной стойки с бокалом чего-то полосатого – Вот этот?.

– Точно, он! – Галина Леонидовна еще раз мечтательно вздохнула. – Ну так я ее потом спросила... нет, не подумайте... но для кардиологической динамики все важно, стрессы там, огорчения, и наоборот тоже... – Галина Леонидовна почему-то стала запинаться. Как, впрочем, почти все дамы, которых угораздило попасть под филиппово обаяние.

Деловитым тоном Арина постаралась вернуть ее в повседневность:

– И что Райская?

– Ну я ее спросила, не внучек ли это ее, а она, знаете, гла-

зом на меня эдак зыркнула. У меня, говорит, деточка, никогда никаких детей не было. В смысле, внучку взяться неоткуда. А это, сказала... такое слово какое-то странное... а! – бирюзовая дама просияла лицом. – Мое утешение, она сказала!

– Понятно, – кивнула Арина, вопреки внутреннему ерлашу: ничего ей пока не было понятно. Хотя «утешение»... да, что-то в этом было. – Скажите мне... Калерия Стефановна умерла... внезапно?

– Так любая смерть внезапна, – усмехнулась златовласая заведующей. – Но если у вас возникли какие-то сомнения... нет, ничего криминального в этой смерти, безусловно, не было. У Райской действительно были... проблемы с сердечно-сосудистой системой. Если нужно, и если вы предоставите соответствующий документ, мы сможем вам это объяснить подробно. Еще лет пять назад мы ей предлагали, да что там – настаивали на необходимости поставить кардиостимулятор.

– И что, она отказалась? – довольно скептически перебила Арина.

– Почему отказалась. Согласилась. Сказала, что разберется со всякой бытовой мелочью и ляжет на операцию.

– И?

– И так пять лет. И не потому что она хотела обратиться к другим специалистам – сейчас модно лечиться то в Израиле, то в Австрии, то в Штатах. Я, собственно, и не возра-

жала бы. Но Калерия Стефановна ничего такого не планировала. Просто ей месяц за месяцем что-то мешало. То ей на Ибицу позарез захотелось, то осень мрачная выдалась, то еще что. Ну и дотянула. Ее привезли по «скорой». Мы купировали, конечно, что могли и как могли. И она сказала – давайте уже сейчас, что ли, все сделаем, пока я тут, а то я еще сто лет тянуть буду. Но сразу-то нельзя было. Нужно было подготовить ее к операции... И мы... не успели.

– Да не мы не успели! – вклинилась бирюзовая Галина Леонидовна. – А раньше думать надо было!

– Ну... да, – кивнула златовласка и повернулась к Арине. – Если вам нужно отдельное заключение...

Арина помотала головой – не нужно заключения.

И зачем я сюда ходила, подумала она, оглядывая восьмиэтажный «кирпич», обрамленный снизу стеклянными дверями. Ответственность? Скорее уж самоотверженность. Да, другое имя для профессии следователя – самоотверженность. А всякие там скачко и баклушины, которые вроде бы тоже следователи... ладно, пустое!

Надо было возвращаться в следственный комитет, но... она еще раз окинула взглядом уходящий в низкие тучи «кирпич»...

Ляля так и не позвонила, телефон ее не отвечал – может, секретарша номер перепутала? – да и список клиентуры Филиппа управляющий прислать не удосужился. Пора было ему намекнуть, что это уже тянет на создание помех следствию.

Не хотел сам – пусть составляет список прямо в ее присутствии. Ну да оно и к лучшему. Возможно, удастся соотнести этот самый список с разноцветными каракулями в блокноте погибшего.

Проще, конечно, было вызвать господина управляющего к себе, в следственный комитет, но проще – не значит лучше. В список подозреваемых Арина его, разумеется, включила, но лишь потому что он находился в нужном месте приблизительно в нужное время. А так – ну какой из него убийца? Тем более подобным способом. Сразу вспомнилось из читанного когда-то Честертона: да я не спорю, он вполне мог убить, кто угодно может в соответствующих обстоятельствах, но он убил бы скучно и незаметно, а вот так вот – театрально, демонстративно, эффектно – никогда. Список гипотетических мотивов Рената Ильича тоже выглядел... скудно. Ни ревности, ни финансовых конфликтов между управляющим и стриптизером не выявилось. Если и были у господина управляющего какие-то тайные махинации, вряд ли стриптизер мог быть в курсе, а если бы вдруг, то убивать гипотетического шантажиста посреди вверенного твоим заботам клуба, рискуя благополучием этого самого клуба, – более чем глупо. Оставался разве что гнев из-за несвоевременного увольнения «звезды». Тоже мне, мотив! Не смешите мои тапки! О своей злости на Филиппа Ренат Ильич рассказывал свободно, явно не предполагая для себя в том никакой угрозы. Какой уж там убийца – максимум свидетель,

и даже не так чтобы очень ключевой. А свидетелей лучше допрашивать на «их» территории. В официальном кабинете большинство людей зажимаются, замыкаются, боятся лишнее слово сказать. У себя же, так сказать, дома. наоборот – успокаиваются, расслабляются и даже могут сболтнуть что-нибудь лишнее.

Главное же – Арине хотелось прогуляться. На улице, хотя под ногами и похрустывал кое-где ледок, уже ощутимо пахло весной. И небо – вот неожиданный подарок – расчистилось, поднялось, налилось яркой солнечной синевой. Прикажете в такую погоду сидеть в пыльном кабинете, когда до свидетеля минут сорок, максимум час ходьбы?

Ох, хорошо-то как! Воробьи чирикают, как оглашенные, в лужицах солнце отражается...

Посторонившись, чтобы дать дорогу несущемуся навстречу малышу в небесно-синем, прямо под цвет неба, комбинезончике, она вытащила из кармана телефон, оживший когда до «Сладкого места» осталось пройти не больше трех кварталов.

* * *

– Арина Марковна, – пробасил в трубке криминалист. – Ты тогда в этом злачном гадюшнике так шустро убежала управляющего допрашивать, я тебе про пальчики-то не все изложил. Ну тогда было навскидку, а сейчас я точно скажу.

– Да, я помню, Артем. Два комплекта, оба с высокой степенью вероятности мужские. Это ты так сказал. И, видимо, готов подтвердить? Один комплект убитого, второй... дай угадаю... управляющего, так?

– Ну... – прогудел в трубке Зверев. – С тобой неинтересно. Как догадалась?

– Да не догадалась, – успокоила его Арина. – Не более чем логичное предположение. По-моему, управляющий – единственный, кроме погибшего, мужик, который в этом кабинете бывал.

– Неинтересно с тобой, – повторил Зверев. – А как же интрига? И зачем я тогда вообще нужен, если ты и сама все знаешь?

– Здравссти! – фыркнула Арина, ловко уворачиваясь от катящейся прямо на нее детской коляски, размерами вполне сопоставимой с небольшой цыганской кибиткой. Толкала ее девушка настолько миниатюрная, что с обратной стороны казалось, что кибитка едет совершенно самостоятельно. – Как это зачем? – засмеялась Арина, нырнув с тротуара в ближайшую подворотню, где, к счастью, было вполне пусто. – Как это зачем? – повторила она, все еще смеясь – и над собой, и над самобеглой коляской сразу. – А кто мне акт экспертизы напишет?

– Злая ты, – буркнул Лерыч. – Поэтому я тебе самое интересное не скажу.

– Что? Еще одни пальчики нашлись?

– Нашлись. И как ты думаешь, где и чьи?

– Погоди-ка... дай подумать... На блюдах с вкусностями, причем, весьма вероятно, тоже мужские.

– Ты опять? – возмущение Зверева, казалось, выплескивается из телефона искрящейся волной. – Откуда...

– Потому что я следователь, – гордо заявила Арина и добавила уже гораздо мягче. – Не сердись, Артем Валерьевич, я ж не собираюсь у тебя хлеб отбивать. Но мой хлеб, в частности, предполагает умение влезть в психологию участников событий, представить, как все было. Хотя бы теоретически.

– И как это помогает тебе угадать, чьи пальчики на блюдах? – недовольно буркнул криминалист.

– Да это так, еще одно предположение, – миролюбиво объяснила Арина. – На блюдах – скорее всего повар. И к делу это, опять же скорее всего, не относится.

Потом Арина не раз вспоминала эту свою фразу. И из всех сил надеялась, что криминалист ее не запомнил. Очень уж стыдно. Где была твоя хваленая следовательская интуиция, а, госпожа Вершина? А еще хвасталась умением влезать в психологию участников событий, стыд и позор на все джунгли!

– Но вот что мне в самом деле странно, так это поднос, – размеренно продолжал Зверев.

– Чистый, что ли? – предположила Арина.

– Вот-вот, – подтвердил Лерыч, даже не попытавшись возмутиться. – Даже потожировые отсутствуют. Такое впечат-

ление, что спиртом протерли. Или чем-то в этом роде. Я-то, грешным делом, его, поднос этот, чуть не под микроскопом обрабатывал. Ни-че-го. А ведь хотя бы официантка должна была отметить. Ну или официант. Кто-то же эти шашлыки туда принес.

– Кто-то принес... – задумчиво повторила Арина. – По-годи... Что, совсем чисто? Или пальчики жертвы все-таки есть?

– Нет, догадливая ты наша, даже убитый за этот поднос не хватался. Ну или протер после, хотя не вижу в этом никакого смысла. А почему ты решила, что там его пальцы должны быть?

– Да так... – неопределенно протянула она. – Ты видел, как он одет был?

– Темные брюки, белая рубашка, бордовый жилет, – забубнил Зверев, – ботинки лаковые, аж глядеться можно...

– Униформа тамошних официантов, – торжествующе подытожила Арина.

– Ну и?

Арине стало смешно:

– Знаешь, Артемушка, почему в немецкой порнухе настолько часто фигурируют сантехники, что это уже в анекдоты вошло?

– Ты смотрела столько немецкой порнухи? – хихикнул криминалист.

– Я слышала столько анекдотов, – отрезала она. – А сан-

техники – потому что эта роль позволяет создать ситуацию как бы реальную. Правдоподобную. Человеку же не гольный секс нужен, а внутри некоего сюжета.

– Типа ролевые игры?

– Ну да, – она почему-то кивнула, хотя видеть ее Лерыч, конечно, не мог. Просто рефлекс сработал: подтверждение или согласие сопровождается кивком. Господи, сколько же бессмысленных рефлекторных действий мы производим! – Что-то вроде ролевых игр. Примитивно, но вполне возбуждающе, насколько я понимаю. Властная клиентка и послушный – просто потому что работа такая – официант. Некоторым женщинам такое должно... нравиться.

– То есть ты предполагала, что убитый этот чертов поднос с едой сам принес? – заинтересовался Лерыч.

– Ну так одет-то он был, насколько я понимаю, в соответствии с условиями заказа. Так что, если клиентка важная, то вполне мог и сам. К примеру, заглянул на кухню убедиться, что все в порядке, а там уже готово, мог и захватить... надо бы, кстати, кухонных работников поподробнее допросить, на предмет – кто поднос для приватного кабинета с кухни забрал. А то пока в этом вопросе полный туман, типа никто ничего не помнит. На блюдах-то отпечатки либо повара, как я предполагаю, либо кого-то из его помощников, это к гадалке не ходи.

– Погодь... – перебил ее Зверев, заинтересовавшийся сценарием «ролевых игр». – Кто бы жратву в номер ни принес,

на фи́га ее у д́вери составлять?

– Да это-то как раз не удивительно, как иначе? Когда клиентка уже на месте, должен появиться официант, она якобы делает заказ, он якобы все приносит, ну дальнейший сценарий ты себе представляешь. Только вся эта прекрасная гипотеза вдребезги разбивается об ужасающий факт, только что тобой открытый.

– Отсутствие следов на подносе?

– Вот-вот. – Арина вздохнула. – И что, кроме пальцев – больше ничего? Ты же вроде там какие-то волоски изымал.

– Волоски у биологов, – сурово отрезал Зверев. – А я изымал на исследование волокна темно-зеленого цвета. С правой руки трупа снял, с тыльной стороны ладони. Буквально две-три ворсинки. Микроскопические.

– И?

– Что – и? Шерсть. Натуральная. Не кашемир, но очень качественная. Подробный состав я тебе расписал.

– Пальто? Костюм?

– Ну уж не бикини, – криминалист вдруг засмеялся. – Хотя, знаешь, я в интернете видел меховой купальник. Лохматый такой. Какой только экзотики нынче не встретишь! Но поскольку на ворсинках нет следов эпителия, вряд ли это волокна от бикини. Все прочее: пальто, платье, ну или костюм – если дамский, то возможно. Для мужского мягковат материал.

– Лерыч, у меня на видеозаписи дамочка кутается в здо-

ровенный шарф, как раз темно-зеленый. И одна из официанток его видела. Настолько темный, что не сразу поймешь, что зеленый.

– Похоже, – задумчиво согласился Зверев. – Так что ищи свою дамочку в зеленом шарфе, убийца она или нет, не скажу, но на месте была.

За поворотом уже виднелась витиеватая, в лиловых тонах вывеска «Сладкое место».

* * *

Костюм на управляющем в этот раз был светлосиний. Но тоже блестящий. Фирменный стиль, что ли? Клуб, развлечения, сияние огней и прочее в этом духе – значит, и костюмчик тоже должен блестеть.

По поводу обещанного списка Ренат Ильич пустился в многословные, очень эмоциональные извинения: да ах, да закрутился, да простите, да я сейчас... да-да, давайте сразу с блокнотом Филиппа все сверим.

Арина терпеливо записала все, что он ей продиктовал, пометив, что обведенная рамочкой «Ми» – уважаемая Людмила Андреевна Карпинская, жена вице-президента банка «Прогресс», а украшенная цветочком «Лю» – известная оппозиционерка, сделавшая себе имя на громкой борьбе за права... Арина каждый раз забывала, чьи именно, не то права пингвинов на свободное переселение из холод-

ной Антарктиды в теплый Краснодарский край, не то права коренных народов Африки на соблюдение национальных традиций в виде каннибализма. Прочие дамы были попроще, но тоже небезызвестные – бизнесменши средней руки и жены бизнесменов, несколько представительниц богемы, три-четыре чиновницы. Мужчин в списке и правда не нарисовалось. И то хлеб, с облегчением вздохнула Арина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.